

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВАСИЛИЯ

РОМАШКИНА

БОРТСТРЕЛКА И НЕКРОМАНТА

Владимир Стрельников

Приключения
Василия Ромашкина,
бортстрелка и некроманта

«Автор»

2022

Стрельников В.

Приключения Василия Ромашкина, бортстрелка и некроманта /
В. Стрельников — «Автор», 2022

Блин, как прикольно проплывать над безмолвной землей на тяжелом корабле, отбрасывая огромную тень. Видеть закаты и рассветы с борта старого дирижабля, наблюдать с боевого поста звезды, смотреть на развалины старых городов поверх стволов тяжелых пулеметов. Как здорово бродить по свету в компании таких же, как и я, удалых парней, которые готовы всякой нечисти рога отстрелить, а бандитам кое-что и покруче. Как замечательно охмурять красивых девушек, дарить им свою любовь и принимать любовь девичью, слушая страстный шепот по ночам на сеновалах или в термальных источниках. Здорово быть рослым крепким парнем, спасибо папе с мамой! Ну а что до неприятностей и непонятностей... то тяжелые ножи (непростые ножи, ножи некроманта!), а также надежные пистолет и автомат помогут справиться с большинством из них. А с чем не справлюсь я – помогут друзья-товарищи. Единственное, в чем не стану просить помощи, – так это в делах личных. Сам разберусь, и пусть потрясные девчонки будут моей головной болью!

© Стрельников В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Стрельников

Приключения Василия Ромашкина, бортстрелка и некроманта

Пролог

Да твою поперек!!!

Назойливый, противный и, самое главное, громкий звон механического будильника заставил поднять тяжелую голову от подушки и открыть глаза. Все равно в голове резонанс, уж лучше встать.

– Вась, а Вась? Тебе рассолу принести? – раздался у дверей комнаты ехидный голос младшенького братца.

Вот мелкий, заранее выбрал самую удобную для отступления позицию.

– Женька, я тебя, обормота! Потом поймаю коварно, – пригрозил, садясь на кровати и прихлопывая наявивающего и тикающего паразита под смешки паразита двуногого. – Ты почему стрелки перевел? Знаешь ведь, что выходной!

– Вась, ты погляди, какой день! Сам ведь потом жалеть будешь, что на рыбалку не сходил. – Женька, загоревший как головешка, белокрысый пацан двенадцати годков, показал на сияющее за окошком небо. – Вась, ну давай сходим?

– Сходить вы можете сами, тут до набережной полчаса ходу пешочком, вы на великах за пять минут махнете. – Я положил руку на макушку, чуть помассировал. Да нет, все нормально, просто спать охота. Ну еще бы, вчера немного погулял, вернулся домой часа в три ночи.

– Вась, ну какая рыбалка с набережной? Уклейка разве, карась или глупый судачишко. Давай на твоём «додже», а? – Женька вытащил из-за двери запотевший стеклянный кувшин с квасом и вместе с кружкой поставил на столик между нашими кроватями. – На излучину сгоняем, жерехов да чехоней нахлыстом возьмем. Сам же потом с пивом съешь.

– Хорошо, только на пару часов. Что возьмем, что не возьмем – как выйдет.

Усмехнувшись, я потрепал по выгоревшей макушке братишку, наливая себе холодного кваса. Крупными глотками выпил ядреный напиток и понял, что жизнь-то налаживается. Конечно, Женька преувеличивает, сейчас и с набережной вполне неплохая рыбалка. Но все-таки он прав, денек отличный, почему бы и не порыбачить с братишкой?

– Сейчас я душ приму, оденусь и выйду. Жди. – И, нацепив шлепки, налил себе еще кружечку. Квас замечательный, мама его просто здорово делает.

Радостный братишка убежал готовить свои и мои снасти, а я прошел в летнюю душевую и под прохладной пока еще водой простоял с десяток минут, вымывая из организма следы вчерашнего излишества. Не то чтобы гайцов с алкотестерами опасался, нет. Не настолько я набрался вчера, просто основательно посидел с друзьями и подружками. Вчера даже на машине вернулся, после того как Галку до дома довез.

Ну а что? Скоростей у нас сейчас больших не развивают, как в прошедшие времена, до Катастрофы. Да и полиция подвыпивших водил не ловит. Нет, не дай боже, сшибешь кого или еще что натворишь – ответишь по полной программе, но именно выпивших водил не ловят. Да и незачем, участковый всех знает. Что и от кого ждать, кто чем дышит. Причем участковый пользуется немалым уважением горожан, наших соседей. Так что, если пожалуется матери, огребу по самое не балуйся. Просто он меня знает, и знает, что не буйный.

Вообще, я достаточно редко так отрываюсь, служба не позволяет. То учеба, то рейс, то снова учеба. Не сказать, что у меня должность большая, но весьма ответственная. Я бортстрелок. И служу я...

На задний двор, отгороженный от огорода забором из нетесаного горбыля, набежала тень, как будто облако закрыло солнце. Подняв голову, я увидел проплывающую над нами серебристую сигару жесткого дирижабля. Здоровый «Локхид», наверное, из Старых Штатов идет.

Так вот, служу я... да вот на похожем красавце и служу.

* * *

*6 июня 2241 года, воскресенье
Ростов-на-Синей, Северный Союз*

Василий Ромашкин

Вытирая голову полотенцем, зашел в дом и застал интересную, хоть и привычную картину.

Мать, уперев руки в бока, строила Женьку, явно не сделавшего домашнее задание.

– Мам, ну ведь каникулы! Ну завтра повторю!

Братец смотрел на мать глазами, смахивающими на глаза соседского спаниеля, и явно пытался разжалобить. Впрочем, это бесполезно, в вопросе образования своих детей мама походит на дракона (не к встрече будь помянут, говорят, попадаются иногда), и меня гоняла, и Женьку сейчас пилит. Причем делает это осмысленно, упорно и совершенно правильно.

– Ну ведь история, мам, – продолжал хныкать братец, вытаскивая учебник из стопки книг. – Ну завтра прочел бы.

– Если бы у бабушки... ну, дальше вы сами знаете, мальчики взрослые. – Мама немного смутилась и, скрывая смущение, скомандовала: – Читай! Пока не прочтешь, не отпущу! А ты, Вася, садись. Завтракать будешь?

– «Несмотря на широчайшие возможности, человечество, разделенное границами, экономическими и военными пропастями, не собиралось использовать свои технические достижения во благо себе. В начале двадцать первого века снова начался процесс нагнетания напряженности между Российской Федерацией и Соединенными Штатами, угрожающий перейти от холодной стадии конфликта к полномасштабным боевым действиям. Стороны были увлечены взаимными санкциями, возобновившейся гонкой вооружений и расширением сфер влияния на планете. – Женька страдальчески вздохнул, посмотрел на меня и, не найдя сочувствия, продолжил чтение: – Наблюдения за астероидами практически не велось, ограничивались редкими зарегистрированными малыми планетами и фиксацией их орбит. Совершенно неудивительно, что в начале мая две тысячи семнадцатого года астероид немногим менее километра в диаметре неожиданно и неотвратно упал в районе Атлантического океана. Как раз на широте Нью-Йорка (примерно тридцатый меридиан западной долготы), в районе Азорских островов. Бывших Азорских островов. Удар был внезапным, астрономы засекли приближение астероида только за несколько часов до катастрофы...»

Женька стащил со стола один из блинчиков, которые начала печь мама, и макнул его в сметану.

– Полотенце возьми, заляпаешь жиром учебник.

В затылок братцу прилетело свернутое чистенькое полотенце. Мама к чистоте относится как к идолищу какому-то, весь дом сияет, и нас заставляет блюсти порядок. Ну меня-то уже нет, да я и дома бываю пару-тройку дней в неделю в лучшем случае. Это сейчас повышение квалификации, вот и ночую дома шестой день подряд. А когда наша очередь межконтинентальных перелетов подходит, то и пару месяцев меня может не быть.

– Угу, – Женька прожевал, вытер руки полотенцем и продолжил: – «От удара астероида образовалось цунами высотой около трехсот метров, которое смыло все восточное побережье США, западное побережье Европы и частично Африки. Потери оказались огромными, количество погибших превысило десятки миллионов. Но это – только первый удар стихии. Следующий удар был столь же внезапен и неотвратим. Чудовищные по силе землетрясения прошли по планете. Десятибалльные толчки смели с лица Земли города с миллионным населением и крохотные провинциальные городишки. Москва, Берлин, Париж – только в европейских столицах погибли десятки миллионов. Прекрасные здания превратились в каменные обломки. – Братец, не отрываясь от учебника, отхлебнул чая и продолжил чтение: – Под обломками зданий, на улицах, в разрушенных метрополитенах и убежищах остались погибшие люди. Число погибших превысило миллиард. Причем подземные толчки продолжались долго и не утихали в течение нескольких лет. Но и это не все. Ожили дремлющие вулканы, проснулись считавшиеся давно и надежно уснувшими Эльбрус и Арарат, вулканы Перетолчина и Кропоткина, Маелифелл и многие, многие другие. В том числе ожили и супервулканы. Самый известный из них – Йеллоустоун и его младшие братья Лонг-Велли в Калифорнии и Вэллис в Нью-Мексико превратили Северную Америку в филиал ада на Земле, ожил супервулкан Айра в Японии. В атмосферу были выброшены миллионы тонн пепла и камней. Наступила вулканическая зима. – То, о чем читал Женька, известно в нашем мире всем. Каждый взрослый и каждый школьник знает историю Катастрофы. И все же каждый раз рассказ о ней потрясает душу. Вот и брат притих и перестал коситься на аппетитные блинчики. – В принципе ничего сильно непривычного для уцелевших европейцев и североамериканцев не было, про жителей Сибири, Дальнего Востока, Аляски и Канады и говорить нечего. Ну, зимой холоднее, морозы под пятьдесят, лето прохладное. На территориях Европы и Азии температура не поднималась выше пятнадцати-шестнадцати градусов. Но это позволяло собрать хоть какой-то урожай. В России, например, была установлена жесткая, можно сказать, жесточайшая диктатура. Уцелевший министр обороны сумел при помощи армии и МЧС установить порядок и обеспечить условия для выживания уцелевшим пятнадцати миллионам граждан России. Кроме того, в Россию эвакуировалось около семи миллионов жителей США и Канады. В Европе ситуация сложилась значительно хуже, число городских жителей там было намного больше, да и в сельских районах люди жили в добротных домах. Так что число погибших многократно превышало число выживших. На всю Европу уцелело максимум пятнадцать миллионов человек. В Китае выжило около тридцати миллионов. А вот население Африки, Латинской Америки, Индии и Юго-Восточной Азии – миллиарды бедняков, привыкших спать в хижинах из картона, хоть и меньше пострадали от подземных толчков, но легче им от этого не стало. Люди гибли от холода и голода, в результате голодных бунтов, многие были растерзаны каннибалами. Завершили дело эпидемии. Огромные территории обезлюдели, и по сей день там практически пустые земли».

Женька закрыл учебник, тяжело вздохнул и сцапал еще блинчик.

– Мам, все, я прочитал.

– Тогда завтракайте. И, Жень, сколько вас поедет?

Несмотря на то что Женькины друзья тоже возьмут с собой перекусить, мама точно соберет на целый взвод.

– Сенька, Марина, Хеленка и Джекоб.

Ну я в принципе так и предполагал. Соседские ребяташки, братишкины одноклассники. Правда, Марина и Хелен учатся в гимназии, а пацаны в Третьей школе, обычной. Но девчонки – они и есть девчонки. У них всевозможные способности просыпаются на пару лет раньше, чем у мальчишек. Правда, в основном пиромания и менталистика.

Вот и мама щелчком пальцев зажгла газовую горелку на плите. Правда, это практически предел ее возможностей, как и у абсолютного большинства пироманок. Бывают, конечно, и посильнее, но очень редко.

Менталистки тоже частенько встречаются. Порой девчонки обладают способностями и к пиромании, и к менталистике. Впрочем, толку от менталистики немного, разве понять, что парень с другой погуливает, или потерявшийся носок в шкафу найти. Очень редко попадают сильные менталистки.

А вот парни обычно обладают способностями к телекинезу, опять же очень редко хоть сколь-либо серьезными, и к некромантии.

Да-да, некромантия. Вообще, все эти способности начали проявляться после Рывка. То тут, то там происходили возгорания, иногда начинали парить над землей предметы. Если учесть, что люди в то время выживали, то тут такое началось... Чуть ли не институт инквизиции возродили. Точнее, его возродили, но хотя бы до костров на площадях не дошли. Просто повезло – несколько ученых выжили и оказались в нужное время в нужном месте, сумели разобраться, что происходит, и начали систематизировать и изучать новые способности человека. Каширов, Робинсон, Йенсен, Романова, еще с десятков физиков и психологов. Разобрались во всем достаточно быстро, никакой магией тут и не пахло, просто чудовищная катастрофа спровоцировала раскрытие новых возможностей человеческого организма. Или наоборот, ожили старые способности, ведь вроде как в старину тоже ведьмы и колдуны были.

Задумавшись, я зашел в нашу комнату и уселся за стол с компьютером. Ну да, два века назад была чудовищная катастрофа. Но люди сумели выжить и практически не растерять накопленные знания. Не сразу, но сумели восстановить технологии, и сейчас компом никого не удивить. Правда, такого, чтобы дни напролет сидеть за компами, не встретишь, отможенных геймеров сейчас практически нет, живем сложно, но как учебные пособия, средства для связи и развлечений компы снова начали отвоевывать себе место. Хоть и очень недешевы они, заразы.

Проглядев сводку погоды и пробежав глазами строчки новостей, я выключил компьютер и начал собираться. Оделся в старенькие джинсы и такую же рубашку, на голову нацепил кепку от солнца. Пистолет хоть постоянно на поясе, но дополнительно взял свою любимую рычаговую винтовку производства Ковровского арсенала. Сейчас хоть и лето, но зверья дикого множество. Предупреждений о вспышках бешенства среди плотоядных не проходило, но береженого Бог бережет. Видал я бешеных лис – зрелище жуткое. Страшнее разве пролетать над разрушенными городами прошлой эпохи. Такая аура смерти, что жуть. Ну да, я некромант. Абсолютно бесполезная в обычной жизни способность, всяких духов и прочих привидений в новых поселениях вывели давным-давно.

Впрочем, сейчас этими способностями практически каждый обладает хоть в минимальной степени. Кому-то удастся применять их на практике, например, бригады грузчиков с удовольствием берут умелых телекинетиков, для женщин умение разжечь очаг или газовую плитку без спичек – как дар божий.

Ну а остальные выживают, как могут. Я, например, после армии прошел отбор. Нехилый такой, серьезный, и сумел поступить на службу в авиацию. Сейчас налетаваю необходимый минимум, без которого не получится учиться на пилота самолета или дирижабля. Хочу выучиться на офицера-воздухоплавателя. Нравятся мне неторопливые вроде бы небесные гиганты. Наш «Ростовчанин», например. Хоть и сделан корабль на стапелях «Локхида-Мартина» тридцать два года назад, так еще примерно столько же налетает при должном уходе. А уж дирижаблям уход обеспечен, благодаря им человечество снова стало преодолевать огромные расстояния.

После Катастрофы были разрушены аэропорты, автомобильные и железные дороги, мосты, тоннели. Порты смыло цунами и разрушило подземными толчками, корабли оказались или потоплены, или выброшены далеко на берег. Я сам, своими глазами видел неподалеку от старого Владивостока, как в четырех километрах от берега лежит на боку посреди тайги огромный ракетный крейсер. Атомный ракетный крейсер.

Если кто из людей и сумел воспользоваться теми немногими часами, которые у них были с момента обнаружения астероида до столкновения с ним, – так это атомщики. Везде, повсюду, по всей Земле успели заглушить реакторы. Атомные электростанции, реакторы крейсеров, авианосцев, подводных лодок – все было остановлено. Моряки, если не могли выйти в море, фактически превращались в смертников, но реакторы глушили. Повсюду, из каждого работающего реактора вынимали урановые стержни и топили на больших глубинах. Атомщики шли на верную смерть от лучевой болезни, но выполняли свой долг. Те, кто это делал, почти все погибли от лучевой болезни, но атомной катастрофы удалось избежать. И именно поэтому такой проблемы, как радиоактивное загрязнение, у выжившего человечества фактически не имелось. Были зоны повышенной радиации вокруг разрушенных атомных станций, но если учесть, что народу стало в десятки раз меньше, то это совсем не проблема. Удалось предотвратить глобальное радиационное заражение.

М-да. Я оглядел свой небольшой арсенал и прикрыл дверцу оружейного шкафа. Не так уж и много у меня оружия. В отцовом сейфе в родительской комнате намного больше и выбор богаче. Но то папино оружие, я все еще надеюсь, что он вернется. А у меня хоть и пусто, но самое необходимое я все же купил. Служебный наган сорок первого калибра, антикварный ПМ, вроде как неплохо сохранившийся, но стрелять из него я не рискую. Мой FN сорок пятого калибра на пластиковой рамке. Новодел, разумеется. Отличный пистоль, пятнадцать патронов в магазине, относительно легкий, мощный, надежный. Две винтовки, служебная образца тысяча девятьсот пятидесятого года, калибром шесть с половиной на пятьдесят миллиметров, и как раз эта магазинка-левер, сделанная по чертежам двухсотлетней давности, тоже под нашу «шестерку». Хороший винтовочный патрон, диаметр пули шесть с половиной миллиметров, длина гильзы пятьдесят миллиметров. Как у тогдашнего царя хватило мозгов на такой гениальный ход, неизвестно. Но патрон вышел великолепный, не зря почти три столетия на вооружении. Как в царской России этот патрон к производству приняли, так с тех пор только под него винтовки и проектируются. Правда, потом приняли еще один патрон, восемь на шестьдесят, для ротных, авиационных и морских пулеметов.

Автомат, кстати, немчура изобрел, военнопленный. С тех пор практически ничего не меняли, а сейчас снова вернули дерево вместо пластмассы на приклад и цевье.

В винтовке-левере единственное изменение – отъемный магазин. Мудрствовать не стали, стандартный автоматный на двадцать патронов приспособили. Вышло достаточно неплохо.

Еще две курковки двенадцатого калибра, одна с короткими стволами, вторая с длинными. Вот и весь мой арсенал.

– Привет, мелкие! – поздоровался я с ребяташками, выходя из дома, забрасывая свой рюкзак и устанавливая винтовку в держатель «доджа». Хорошая машинка. Я хоть и десятилетку взял, но уже откапиталил, так что еще десяток годков точно спокойно пробегает.

– Привет, здравствуй, добрый день, Василий... – мальчишечьи и девчоночьи приветствия посыпались со всех сторон – вместе с молодняком, усаживающимся на откидные сиденья в небольшом кузове.

На сиденье рядом со мной успела плюхнуться Маринка, огненно-рыжая девчонка с темно-серыми глазами. Выскочивший из дома Женька закинул корзинку с собранной мате-

рюю снедь в кузов, перекинул туда же рюкзак со снаряжением, передал свою двухлинейку и запрыгнул сам. Мелкашку взял еще и Джекоб, тоже болтовую тулочку. Тоже три века с гаком этой модельке. Впрочем, сейчас мы по выпускаемой технике выходим на уровень конца двадцатого – начала двадцать первого века. Только-только.

– Вась, аккуратней там и присмотри за молодежью. – Мама вышла на крыльцо и помахала нам вслед рукой.

Отъезжая, я видел в зеркале заднего вида фигуру мамы. Красивая молодая женщина сорока с небольшим годков. Когда семь лет назад отец не вернулся из рейса, нам было очень тяжело. Не в материальном плане, нет. Мама работала на патронной фабрике, я начал работать токарем в порту, пенсию за отца платила компания. Просто мы все очень любили папу.

Мама несколько лет по ночам плакала, да и сейчас порой тоже. До сих пор забыть не может, хотя к ней пару раз приходили вдовцы с предложениями.

Гуднув проходящим по гулкому тротуару знакомым девушкам, я свернул на дорогу, ведущую к выезду из нашего городка. Ростов-на-Синей был основан как лагерь переселенцев, беженцев из разрушенных городов. Сейчас нашему Ростову уже больше двухсот лет, населения в нем почти сто тысяч человек. Очень немаленький по нынешним временам город.

Вскоре дома и огороды остались позади, по основательно утрамбованной грунтовке мы пилили через холм к любимому месту рыбалки, срезая немалый крюк, который делала река.

В результате выехали на широкий песчаный пляж в том месте, где река делает излучину и где русло прилично сужается. На противоположной стороне высокий обрывистый берег, увенчанный высоченными соснами, суводи и водовороты. Это место здорово любят жереха, чехони, голавли. Да и хариус встречается частенько, это за городом он жить не любит.

Ребятишки быстренько распаковали снасти и вскоре уже всюду рисовали лесой фигурные петли, забрасывая мушек подальше от берега. На берег, в выкопанную в песке глубокую лужу, полетели первые выловленные рыбины.

Я поймал парочку крупных, сантиметров по семьдесят, чехоней и собрал удилище. После чего завалился дремать в машине, в тени старого дуба. Здесь, в зоне работы полицейских разъездов, особо опасаться нечего, просто зевать нельзя. А у нас, некромантов, есть неплохая особенность – мы убийц за версту чуем. В прямом смысле, где-то за километр. Не все, конечно, но у меня так получается, сталкивался уже с этим. Точнее, чуем мы живых людей, особенно тех, которые хотят нанести нам вред.

– Смотрите, волк! – Хеленка вытянула руку и показала на замершего на яру зверя. – Вась, стрельни его!

– Угу, сейчас. – Я вытащил бинокль и поглядел на здоровенного кобеля. – Это собака, Хелен. Парни, не стреляйте! – Это я мальчишкам с мелкашками, которые успели схватить винтовки и сейчас торопливо щелкали затворами.

Тем временем пес длинными прыжками сбежал с обрыва, обрушивая горы песка, и прыгнул в воду, направляясь к нам.

На всякий случай я взвел курок винтовки, внимательно осмотрел противоположный берег. Нет, ничего не вижу и никого не чую. Из людей и нежити, естественно, так-то зверья и птицы полно.

Выплыв на мелководе, пес выскочил на берег, отряхнулся, взметнув полыхнувшее радужной облако брызг, и неуверенно подошел к нам. Остановился метрах в пяти, лег, положив голову на передние лапы, пару раз осторожно махнул хвостом.

– Сюда, к ноге! – Я разглядел на ошейнике ярко-красную пластиковую гильзу от дробовика, примотанную красной же изолентой. – Лежать!

Здоровенный кобелина послушно улегся у моих ног и снова дважды махнул хвостом, показывая, что он смирный.

– Что там? – Маринка прямо изнывала от любопытства, подпрыгивала и пыталась заглянуть в письмецо, которое я вытащил из гильзы. – Вась, ну прочитай.

– «Спасите! Сломала ногу, посылаю своего Альфреда за помощью! Алена Шушкина». – Я присел и погладил пса по загривку. – Молодец! Настоящий товарищ.

Псина вскочил как на пружинах, всем видом показывая, что готов вести нас к хозяйке.

– Пойдем спасать? – У Маринки заблестели глаза, девчонка едва не прыгала от азарта.

Хелен, ее подружка, тоже приплясывала от нетерпения, да и пацаны вместе с ними.

– Обязательно. – Я сел и аккуратно снял с пса ошейник. – Только отвезу вас в город, позвоню в МЧС и с дежурной сменой спасателей приеду сюда. Я так думаю, что Буфон след Альфреда возьмет спокойно. – У нашего городского отдела МЧС пяток служебных блаухаундов. Отличные собаки, если надо кого-либо найти по следу.

– Вася, ну ты... – Хелен даже притопнула от негодования. – Ты же некромант, я и Марина менталистки, неужели ты чего-то опасешься? Да там, может, любовь всей твоей жизни погибает!!! – Вот что-то, а романтику никто не отменял, и множество любовных романов и сейчас гуляет в сети. Судя по всему, Хеленка ими зачитывается. Впрочем, самый возраст для девочек. – Мы обязаны оказать помощь!

– И окажем. – Я кивнул, вынимая из машины аптечку и двуствольный «дерринджер» сорок первого калибра. Лежал пистолет в бардачке на всякий случай, еще от прошлого владельца остался. Вот и пригодился. – Хелен, Марина, вы пока ремешки снимайте. Вы девчонки фигуристые, с вас джинсы и без ремней не спадут. А свои пистолеты в карманы курточек положите. – У девочек на поясах тоже по «дерринджеру», только тридцать восьмого калибра. Не принято как-то у нас, чтобы девочки, девушки и женщины безоружными ходили. Парень может одним ножом обойтись, а вот женщины обязательно с огнестрелом.

Вспыхнув, девчонки торопливо повыдергивали из джинсов тонкие прочные кожаные ремешки и подали мне. Написав короткую записку, вложил ее в аптечку вместе с парой брикетов пеммикана и пистолетом. Продев в петли на аптечке, застегнул на мощной шее овчара ремешки девчонок.

– Беги к хозяйке, Альфред. Ищи!

6 июня 2241 года, воскресенье

Левый берег реки Синей, выше Ростова-на-Синей

Василий Ромашкин

Псине словно хорошего пинка дали, он вскочил одним длинным слитным прыжком, развернулся, махнул к реке. И вскоре исчез посреди сосен на яру.

– Быстрее собирайте рыбу, сегодня я вас сюда уже не привезу. – Сматывая свою удочку, сказал я суетящимся ребяташкам. – Или выпустите, но так не оставляйте.

– Тоже скажешь, Вась, выпустите! – шуруя саком в луже, пропыхтел Женька. – Мы уху думаем наладить и жереха закоптить. Придешь?

– Вот не знаю, Жень, когда обернусь, – заводя машину, ответил я. – Где эта Шушкина будет, когда вернемся, – неизвестно. Усаживайтесь скорее.

На этот раз на сиденье рядом со мной уселась Хеленка. Хорошенькая мулаточка, что, впрочем, у нас в Ростове не редкость. После Рывка в наш тогда еще лагерь переселенцев поселили человек пятьсот американских солдат с семьями. И практически все – негры и мулаты. Так что кофейным цветом кожи здесь никого не удивить. Кстати, со старшей сестрой Хелен,

Полли, я гулял одно время. Но как-то разбежались, сейчас Полли замуж вышла и живет в соседнем городке.

До города доехал гораздо быстрее, чем ехал на рыбалку. Выгрузил ребят у нашего дома, махнул матери и двинул в сторону отдела МЧС. В полицию от спасателей позвонят, делов-то.

6 июня 2241 года, воскресенье

Ростов-на-Синей

Анастасия Ромашкина

Старший сын исчез за поворотом, оставив меня в обществе младшего и его друзей. Куда это Вася направился, интересно?

– Жень, куда поехал твой старший братец? – поинтересовалась я, повернувшись к странно серьезным малолеткам. – И чего вы такие хмурые, как будто у вас торт отобрали?

– Так, Анастасия Александровна, Васька поехал спасать девушку, а нас с собой брать не захотел! – не выдержав, сказала Хеленка, обиженно надув губки и придерживая руками сползающие брючки. – Там...

– Там такой пес на том берегу... мы думали – волк... я за винтовку, а Вася командует: «Не стрелять!» Пес как прыгнет, брызги – во!!! И к нам...

Когда мальчишки и девчонки, обступив меня и перебивая друг друга, рассказывали о сегодняшнем большом приключении, нестройный хор детских голосов не успокоил, а, наоборот, здорово взволновал меня. В городе, оставшемся с прошлых времен, частенько копались черные археологи, но чтобы кто-то вот так всерьез попадал в неприятности – такого давно не было.

– Так, молодежь, тихо! Василий поступил абсолютно правильно! Спасение людей в старых городах (а эта девушка, скорее всего, в старом городе) является задачей сложной и серьезной, и потому вам там пока делать нечего. Пойдемте, чаем напою с пирожками, расскажете все по порядку. А ты, Жень, корзину с рыбой пока на ледник опусти. И закрой хорошо, чтобы, как в прошлый раз, коты не растаскали. – Я повела галдящих подростков на крытую застекленную веранду – поить чаем и выяснять подробности происшествия, но тут в прихожей зазвонил телефон.

– Аллю! – Сняла трубку.

– Мам, привет. Извини, что не остался рассказать, просто некогда было. В общем, какая-то дамочка умудрилась сломать ногу, скорее всего, в старом городе. Так что я со спасателями подскочу туда и вернусь. – Совершенно спокойно, как о чем-то обыденном, сказал сын.

Нет, я знаю, что он мне далеко не все рассказывает о своей службе, да и о перестрелках говорит только тогда, когда понимает, что я точно узнаю со стороны. Но мог хотя бы подумать, что мать волнуется?! Хотя... подумал и звонит.

– Осторожнее там, сынок. И... вы надолго? Как с продуктами? – Не стоит показывать, как у меня сердце сжалось от недобрых предчувствий. От этого Вася не передумает идти со спасателями, сама воспитывала. Так что нечего старшему сыну нервы трепать.

– Да нормально, мам. Сухпаи спасатели берут, кроме того, твоя корзинка полнехонька, мы ее не тронули. Я думаю, день туда, день обратно. Завтра вечером или послезавтра утром, даст бог, появлюсь дома. Пока, мам, не волнуйся.

– Пока, сынуль. Будь осторожен и не лезь на рожон, – ответила и, дождавшись коротких гудков, села на стульчик около телефона. Пару раз глубоко вздохнула, гипервентилируя легкие, поглядела на пальцы, зажгла и потушила язычки пламени, после чего пошла на веранду, где всюю распорядились Женькины подружки, накрывая на стол. Девчонки серьезные менталистки, и потому я должна быть абсолютно спокойной. Нечего народ будоражить.

*6 июня 2241 года, воскресенье
Ростов-на-Синей*

Василий Ромашкин

На крыльце конторы спасателей сидели два парня в форме – один с гитарой, а второй с губной гармоникой, и вдохновенно наяривали то ли блюз, то ли блюграсс. Наверное, свободные от смены. Я всех в нашем микрорайоне не знаю.

– Привет, МЧС! – поднимаясь по ступенькам, поприветствовал их, на что оба кивнули, не прекращая музицировать.

За открытыми дверями справа за столом с десятком телефонов и парой компьютеров сидел дежурный по МЧС. Ну, этого-то я знаю.

– Леш, здорово. Прими срочное! – Я положил ему на стол гильзу с письмом.

– Здорово, Василий! – Одноклассник, крепкий и смуглый парень, пожал мою руку. Вытащил из гильзы письмо, прочел и, нахмурившись, поднял трубку одного из телефонов. – Второй группе – на выезд. Старшего группы – к дежурному! – после чего повернулся ко мне и вынул один из стандартных бланков...

Через десять минут мы, то есть я, трое спасателей и двое подъехавших парней из полиции, ехали в фургоне МЧС с лодкой на прицепе. На переднем кресле рядом с водителем важно сидел здоровенный кобель с длинными ушами и очень грустным взглядом.

– Как думаешь, далеко эта Шушкина? – взявшись одной рукой за поручень, а второй придерживая на коленях помповый дробовик с коротким стволом, в очередной раз спросил меня немолодой сержант из патрульной службы.

– Не знаю. Овчар у нее здоровенный, такой и полсотни километров пробежит, не запыхается. Но это на том берегу Синей, и, прямо скажем, мне это не нравится. – Я в очередной раз чуть не прикусил язык на очередном ухабе, проклиная про себя жесткую подвеску фургона. – Скорее всего, она из искателей, что еще делать на том берегу?

С той стороны Синей находилось несколько старых городов. Несмотря на то что прошло больше двухсот лет с момента Катастрофы, в городах до сих пор оставалось множество вещей, и некоторые насквозь отмороженные особи мародерили в развалинах.

Приехав на излучину, мы все ввосьмером сняли тяжеленную шляпку «тузик» с прицепа.

– Слушай. МЧС, вы когда дюральку получите? – пыхтя от натуги, спросил сержант. – Надорвешься здесь с вашей бандурой, придется на пенсию по инвалидности уходить.

– Ты еще из пластика попроси, а лучше прямиком из золота! – Опустив лодку на прибрежный песок, старший из спасателей вытер рукавом форменной синей куртки лоб. – Вась, куда, говоришь, кобель рванул?

– Вот к тем соснам на яру, Мартын Сергеевич. Видишь, до сих пор взрыт берег там, где он поднимался. – Я ткнул пальцем в небольшие осыпи на крутом склоне противоположного берега.

– Ясно. Ты как, с нами? – И старший, усмехнувшись, поглядел на меня.

– Риторический вопрос? – так же усмехнулся я. – Сам же нас в школе учил – здоровый и свободный от обязанностей человек должен оказать помощь терпящему бедствие. Я на отдыхе, так что пройду с вами. Тем более, если придется в мертвый город идти, лишний некромант не помешает.

– Это да, – кивнул сержант. – Мартын да ты, Василий, да Сеня, он хоть и послабее, но тоже почуять неупокоя сможет. Как-то спокойнее ночевать будет.

– Думаешь, товарищ сержант, что придется ночевать около мертвого города? – Молоденький полицейский опасливо поглядел на север. Как раз в ту сторону, куда убежал овчар. – Поэтому картечь с серебром взяли?

– Урядник, тебя чему учили? Любой выход за город – два патрона с серебром под личную ответственность. Береженого Бог бережет. – Сержант щелкнул по каске урядника, вынул из магазина дробовика пяток обычных патронов и бережно вставил на их место патроны с серебром, после чего добил обычной картечью.

Все правильно, первые три остались обычные, а завершают патроны с пулями на неую. А то мало ли что, не простого же медведя серебром начинать. Да еще мелким, это, скорее, не картечь, а крупная дробь, примерно полевка.

– Ладно, проверили оружие, снаряжение. – Старший первым выполнил свой приказ и уселся в шлюпочку. Вообще-то, хоть такие лодки и зовут у нас «тузиками», на самом деле это ял-четверка. Если по морской квалификации.

Вскоре мы уже стояли на яру, и блаухаунд задумчиво обнюхивал ошейник овчара. Потом пес вроде как неторопливо прошелся по обрыву, высоко задрал голову, и попер буром в кусты, сильно натягивая корду, таща за собой собаковод да еще и подвывая при этом.

– Верхом след взял, хорошо пойдём! – Сержант торопливо направился за Мартыном, за ним урядник, следом я с винтовкой за плечами, небольшим рюкзаком за спиной и корзиной с материнской снедь в руках. А что, на рыбалке съесть не успели, так здесь смолотим, я так думаю, что на первую ночевку встанем, не доходя до мертвого города. Светлого времени осталось с гулькин нос. Не стоит по ночам шататься по развалинам. В том, что дама, приславшая записку в ошейнике пса, в мертвом городе, я как-то и не сомневался.

В принципе так и случилось.

6 июня 2241 года, воскресенье

Лесной массив на правом берегу Синеи, неподалеку от развалин старого города

Василий Ромашкин

– Шабаш, тут ночуем! – Старший оглядел небольшую полянку, на краю которой бил крохотный родничок. – До мертвого города еще верст двадцать, так спокойнее. Но дежурим обязательно. Я как самый старший – первый, Сеня второй, ну а тебе, Вась...

– Собачья вахта! – грустно кивнул я.

– Ну. Ты бортстрелок, тебе не привыкать, – усмехнулся сержант, со вздохом облегчения снимая с себя штатный ранец. – Так что бди утром, тем более что сейчас ночи короткие.

– Точно, – кивнул старший, обрубая лапник с соседних елок. – Встанем затемно, позавтракаем и с первыми лучами тронемся. Даст бог, еще утром будем в городе.

– В Васильевске? – спросил молодой урядник и получил короткую затрепину от сержанта. – За что, товарищ сержант?

– Не поминай старые названия неподалеку от старых городов. Не любят они этого.

Выщелкнув из рукояти пистолета магазин, заменил его на другой, с серебряными пулями:

– Тогда я спать.

Ухватив охапку колючих еловых веток, бросил их неподалеку от разводимого костра и вскоре уже дрых. На ночную вахту надо заступать, хорошо выспавшись, тем более не очень далеко от старого города...

7 июня 2241 года, понедельник

Лесной массив на правом берегу Синеи, неподалеку от развалин старого города

Василий Ромашкин

Лунный свет заливал лес, отбрасывая на поляну тени от высоких деревьев. Костер был давным-давно потушен, ибо нет ничего проще, чем потерять ночное зрение, поглядев в пламя костра. Вокруг кострища на разные лады похрапывали мужики, завернувшиеся в пледы.

Я сидел на выворотне на окраине поляны, на опушке леса, винтовка была прислонена к правому колену. За голенищем высокого сапога в засапожных ножнах лежал простой на первый взгляд кинжал. Точнее, тяжелый нож.

Правда, сидел и дежурил я не один. Ко мне подошел зевающий, но отоспавшийся пес Рафаль. Прямо скажем, он напарник отменный.

От поляны шел густой медовый аромат. От леса пахло хвоей и смолой. Кричали ночные птицы, наяривали цикады и кобылки, порой светящимися облачками мелькали стайки светлячков. Только комариный зудей в межветрие портил настроение.

– Какое «волчье солнышко»! А, друже? – Я погладил лобастую башку блаухаунда, положившего голову мне на колени и пускающего слюни. – Слюнявый ты, однако, брателло. Ничего не чуешь? А вот я учуял, гости у нас, дружище.

Я встал, одновременно повесил винтовку на плечо, отряхнул штанины и потрепал вскочившего пса. Поглядел на сияющую луну, прислушался к ночи, потом внимательно «вслушался» в ночь. Что-то на грани, на пределе восприятия. Едва ощущается, еле-еле. Не открываясь, продолжил сканировать пассивно.

Ощущение здорово усилилось, разделилось.

– А вот и гостя на дымок пожаловала! – Я улыбнулся, перекинул винтовку на грудь и отщелкнул клапан кобуры. – Патрикеевна, доброй ночи. – И «ухватил» попытавшуюся метнуться лисицу. – Ну, куда ты! Покажи личико.

Лису перекорежило, плеснуло туманом. И вот на месте лисицы уже стояла молодая девушка.

– А где твои хвостики, кумушка? Их сколько, пять? – Улыбаясь, свел «ухваченные» хвосты к основной сущности. Из кустов одна за другой стали выходить девушки и сливаться с основой. Вскоре передо мной предстала статная красивая молодка с пятью хвостами, торчащими из-под юбки.

– Надо же, брюнетка. И хвосты серебряные. – Я внимательно поглядел на угрюмо стоящую девушку, залитую лунным светом. – То есть живых ты не заморочила? Не заморила?

Гулкий утробный рык Рафаля и метнувшаяся от дальних кустов рыжая молния могли бы напугать, но я ждал этого. Небольшой, огненно-рыжий в свете фонаря лисенок завис в воздухе, а потом был плавно перемещен мною к взрослой лисице.

– Эх, ни фига себе, Вась, ну у тебя и добыча! – Сонный, с обнаженным кинжалом в правой и со служебным наганом в левой, Мартын Сергеевич встал рядом со мной. – Надо же, сумел «прихватить», стрелять не стал и на нож не принял. Пятихвостка и лисенок. Вась, ты точно не хочешь работать в инквизиции?

– Там дисциплина слишком жесткая, Сергеич. – Настроение у меня резко испортилось, и для того были серьезные причины. – Сейчас ты не о том думаешь. Младшая – огневка! – И я потянул из ножен блеснувший в свете луны тяжелый нож некроманта.

– Нет!!! – Старшая лисица, к моему удивлению, сумела сделать пару шагов к нам и упала на колени, когда я «придавил» ее. – Не трогай дочь! Развей, развоплоти меня, я ее обратила, но не трогай доченьку!

– Дочь? – Сергеич удивленно поглядел на крутящуюся в воздухе и в ярости шелкающую совершенно не лисьими челюстями лисичку. – Это твоя дочь? Век живи – век учишь.

– Что ты знаешь о жизни, человек? И что ты знаешь о смерти? – Стоящая на коленях женщина выпрямилась. На ее лице двумя дорожками блестели слезы. – Ты знаешь, как больно,

когда ты уже умерла, а твоя дочь плачет и кричит, и зовет тебя? И ты не уходишь в свет, кружишь вокруг задыхающейся от боли девочки и ничего не можешь сделать? Я не поняла, как стала лисой, но сумела проскользнуть сквозь обломки, вылизывала лицо дочки, носила ей воду в пасти. Дочь сама ушла со мной и стала лисенком. И не ее вина, что она убила охотника, который всадил в нее две порции дроби. В лисичку-сеголетка!

– Это кто? – громким шепотом спросил сержанта молодой урядник.

– Лиса Патрикеевна, кицунэ по-японски. Нежить. – Сержант тоже вылез из-под одеяла, держа дробовик в правой. Потер лицо свободной рукой и подошел к нам. – Огневка, говоришь? Кончать будешь?

– Нет! Убей меня, но не тронь Таню! – Старшая вскочила, частично перекинулась и оскалила зубы. Потом снова, застонав, упала на колени.

– Чего медлишь, Василий? – хмуро спросил Сергеич, придерживая за ошейник Рафаля. – Прими на клинок, не мучь.

– Рука не поднимается, Мартын Сергеевич. Может, ты?

Лисичка, обессилев, упала на землю и обернулась девочкой максимум семи годов от роду. И хоть я знал, что ей не меньше двухсот, все равно было тяжело.

– Нет, твоя добыча, – покачал головой старший. – Отпустить огневку мы не можем. Мы не судьи, Вась, выбора у нас нет. Хотя у лис выбор есть.

– Предстать перед инквизитором? – Я поглядел на лисиц. Младшая переползла к матери и, обняв ее, уткнулась ей в грудь. Лицо старшей уже ничего не выражало. – Патрикеевна, как твое имя?

– Полина, это мое истинное имя. Мы готовы предстать перед людским судом. – На вернувшем человеческие черты лице застыло спокойствие. – Готовь сосуд, человек.

– Хм... – Я смущенно поглядел на спасателя. – Мартын Сергеевич, не одолжишь флягу?

– Не одолжу. Продам, полусотня золотом. – Спасатель вытащил из подсумка небольшую флягу. Неброская, в простом суконном чехле. Верхний слой серебро, внутренний медь. Причем фляга очень прочная, просто так не испортишь. – А то учишь вас, молодых, учишь.

– Но это тройная цена, – вяло попытался возразить я, внутренне уже согласившись.

– Ты где-то видишь лавку, торгующую артефактами? Не мука тебе, а впредь наука.

И я поймал брошенную емкость:

– Ну ладно, – откупорил довольно увесистый сосуд, поглядел на лисиц.

И те, расплывшись туманом, втекли во флягу. Мне осталось только плотно закрутить пробку и зафиксировать ее чекой.

– Ну, теперь у тебя есть свой собственный геморрой, – усмехнулся Сергеевич, подходя к кострищу и складывая сухие сучья в колодец. – Давайте, подъем. Раз уж встали, сварганим хороший завтрак. Все едино скоро светает.

– А почему не убили? Нежить же? – Урядник повесил на перекладину закопченный чайник. Молодец парнишка, сориентировался, воды принес.

– Кицунэ сложно назвать нежитью, Клим. – Я присел на свою лежанку, крутя в руках флягу. – Скорее нелюдь. Мы слишком мало знаем еще обо всем этом, слишком мало информации. Кицунэ опасны, могут убить, но обычно просто морочат-крутят. Стараются не проливать кровь, хотя при поглощении души живого резко становятся сильнее. Но это редкость, Клим. Обычно они поглощают бродячие души, всякие полтергейсты, привидения, прочие неупокои. Они разумны, у них устойчивое тело, что людское, что лисье, хотя как это получается – никто пока объяснить толком не может. Вообще, эти лисы стоят особняком. Да и встречаются редко, очень редко. Я и не думал, что около нас живет семья. Теперь понятно, почему с этой стороны старого города относительно спокойно, кицунэ не терпят конкурентов. Не зря у мамыши целых пять хвостов, на ее счету минимум полсотни неупокоев.

– Как понять – устойчивое тело? – Молодой урядник с опаской поглядел на мою флягу.
– Кстати! Сергеич, держи! – Я вытащил из кошелька пять золотых дукатов и передал ему.

Один дукат равен нашему червонцу. Так что в расчете.

Сейчас народа мало, и бумажных денег почти нет. Серебро, золото, никель для мелочи. Иногда платина встречается. У меня в ячейке банка лежат несколько платиновых талеров. Точнее, целых десять, на пятьсот рублей. Плюс золотом и серебром еще на столько же. На свой дом коплю, надо свою крышу над головой заводить, вечно у матери жить не получится.

– Вот молодец, – кивнул спасатель, принимая деньги и пряча их в портмоне. – А насчет устойчивого тела – в лисьем обличье они себя как настоящие лисы ведут, охотятся, едят кроликов, зайцев, птицу дают. Да они и в людском обличье от людей почти не отличаются. С ними даже трахаются иногда, хотя от этого отдает некрофилией.

– Экзотичненько так, – усмехнулся я, пряча флягу в мародерку. После чего взялся за завтрак, а то без меня наготовят...

В котел бросил нарезанного копченого сала и лука, быстренько обжарил, залил водой, дождался, когда закипит, и всыпал гречневый концентрат. Через двадцать минут все ждали, когда остынет порция Рафаля, поставленная в родник.

– Сень, ты мешай мешай! – не выдержал Клим, принюхиваясь к котлу. – Тут же слюной истечешь!

– Кто мешает, того бьют. Я перемешиваю! – важно воздел ложку вверх Семен. Ткнул пальцем в собачью порцию и вытащил ее из родничка. – Рафаль, кушай. На здоровье.

Псину не пришлось уговаривать дважды, хоть собаки и не очень любят гречку. Но тут такой мясной дух от каши шел, что на самом деле слюнки текли. Очень неплохие концентраты делают на нашей фабрике, точнее – отличные!

– Так, давайте чашки, орлы. Сначала орлы старшие. – Я плюхнул пару поварешек в миску Сергеича, передал ему ее и принял миску сержанта...

7 июня 2241 года, понедельник

Окраина старого города

Василий Ромашкин

– Так, теперь смотрим в оба, до старого города осталось чуть-чуть. – Старший поудобнее перехватил свой дробовик. Мы поднялись на насыпь древней дороги. На ней хоть и росли деревья и трава, но идти все равно было удобнее, чем вниз.

Никаких старых машин, дорожных указателей, вообще ничего железного здесь не имелось. Отсюда все, что могли, вывезли. Здесь это было сделать проще всего. Насколько я знаю, тут неподалеку вообще одно время стан был разбит, где разбирались на запчасти машины, складировалось уцелевшее имущество. Там сейчас пусто, да и расположен этот стан несколько в другом месте. А овчар Шушкиной бежал так, как ему больше нравилось.

– А где? – Клим явно нервничал, перебирая пальцами по своей винтовке. Тоже штатная, кстати. У нас что для армии, что для полиции делают одинаковое оружие.

– За холмом, километрах в пяти. – Я его прекрасно понял.

Город уже ощутимо давил. Мы, некроманты, выносим такие явления намного проще, потому что ясно, что и как. А вот народ простой плющит не по-детски, заставляет нервничать.

Ночами в городе простому человеку вообще лучше не оставаться, можно и сдвиг крыши заработать. Или какой-либо неупокой захватит, майся потом с одержимым. Далеко не каждого можно вернуть обратно, даже если успеют аккуратно спеленать.

Рафаль уверенно тянул нас по старой дороге, так что вскоре мы встали на гребне холма. Снизу развалился, по-другому и не скажешь, заросший американским кленом и осинником старый город.

– Ох ты ж... – Клим сбил на затылок форменную фуражку и застыл в восхищении.

– Ну да, ну да, – задумчиво кивнул старший, неторопливо осматривая руины в бинокль.

Здесь когда-то жило чуть больше полумиллиона человек. Довольно крупный город даже по меркам тех времен. Он практически одномоментно был снесен десятибалльным толчком, после которого в городе не осталось ни одного целого здания. Причем толчок произошел поздней ночью, когда большинство жителей находились дома.

Все, старые купеческие бревенчатые особняки, переделанные в коммуналки, каменные постройки царских времен, двухэтажные бараки старых заводов, сталинские, хрущевские и брежневские многоэтажки, небоскребы постсоветских времен – все было развалено и разрушено. В живых остались единицы. Правда, таких единиц набралось около пятидесяти тысяч живых людей.

Большинство оказались ранены, почти все в чудовищном шоке, помощи ждать было особо неоткуда. Но все-таки люди сумели выжить, да и помощь пришла.

Армию тогдашний министр обороны в полном составе вывел своим приказом в полевые лагеря. Сберег людей, да и большую часть техники. И семьи воякам тоже рекомендовал вывести, что они и сделали в своем большинстве. Из тех пятнадцати миллионов выживших в России больше миллиона – военные и их семьи.

И сюда на помощь людям прибыл целый мотострелковый полк. При помощи вояк был организован штаб спасения, людей начали выводить из района разрушений, собирать имущество и уцелевшую технику.

Собирали имущество долго, минимум лет пятьдесят. Разбирали заводские корпуса, извлекали станки и инструменты, снимали рельсы, резали тяжелое оборудование на металлолом. Искали электронику, лекарства. Короче, все, что можно, тащили.

И хоронили тех, до кого могли добраться.

Тогда впервые и столкнулись с неупокоями, призраками и прочим. Хотя сейчас день, встретиться с ними маловероятно. Не очень любят они солнечный свет.

– Так, повышенное внимание и осторожность! – Старший оглянулся на нас. – Вась, Сеня, сканируйте, не скрываясь, мы не на «охоте». Остальные – глядеть в оба глаза и слушать. Проверить оружие, быть наготове. И друг друга не перестреляйте!

Какое-то время мы проверяли оружие – береженого и Бог бережет. А потом пошли за натянутым поводком Рафалем.

Город начался внезапно – горами оплывшего кирпича, поросшего деревьями и кустарником. Какие-то древние автомобили из тех, что не стали брать сборщики имущества, ржавыми блямбами стояли на бывших дорогах. Некоторые все еще поблескивали стеклами и зеркалами заднего вида.

– «Сбербанк»... – С трудом прочел когда-то зеленую надпись на уцелевшей стене Клим. – Надо же, какие окна огромные. И смотри, стекло уцелело! Интересно, почему его не вытащили?

– Скорее всего, не рискнули подходить к стене, – пожал я плечами, вскидывая винтовку и пытаясь взять на мушку собаководка, мелькнувшего в дальнем переулке. – Не успел, блин. Кто-то их основательно шуганул, причем недавно. Похоже, как раз наши спасаемые. Сень, вы скоро?

На лапы Рафалю обували специальные ботиночки из плотной кожи. Правильно, тут степь и всякой ржавой дряни немерено. Еще располосует лапы псина.

– Все, пошли. – Рафаль снова натянул корду и уверенно взял след. Роскошный пес, прямо скажем.

– Осторожнее, тут заросли борщевика. Обгорим потом на солнце, не дай бог! – Старший вытащил из-за спины лопату. Нормальную такую БСЛ с чуть укороченным черенком. Снял с нее чехол и принялся аккуратно подрубать высоченные растения.

Около четырех часов мы шли по городу. С каждым шагом ситуевина мне все больше не нравилась. Если мы не успеем найти своих клиентов через час-другой, придется ночевать в городе.

Сержант уже давно хмурил брови, Клим судорожно стискивал свою винтовку, смахивая пот со лба. Город здорово давил, заставлял нервничать. И веселый птичий щебет не помогал – над руинами ощутимо висела аура смерти.

Рафаль свернул с одного из древних проспектов вглубь разрушенного квартала многоэтажек. Под ногами хрустел крупный бетонный щебень, порой приходилось перебираться через здоровенные глыбы с торчащими во все стороны ржавыми прутьями арматуры.

– Так, стоим, – скомандовал старший, открывая планшетку. Сергеич вытащил карту города, прикинул, куда мы идем. – Хреново, в этом районе вообще никаких работ не проводилось. Но есть старая церковь, похоже, там и схоронилась эта Шушкина. Идем, аккуратно и неторопливо.

– Глянь! «Мерседес»! – Я ткнул пальцем в насквозь проржавевшую, роскошную когда-то машину. От былого великолепия осталась только звезда на капоте. – Интересно, а почему никто на этой стоянке не пошерудил? Ты погляди. Сколько тачек уцелело, сюда же ни один кирпич не долетел.

– Выводить тяжело, машины хоть и дорогие, но тогда на фиг не нужны были. – Сержант поглядел на старую стоянку богатых машин. Сквозь толстый слой асфальта пробились кусты и деревья, приподняв и подвинув лимузины и дорогие вездеходы. – Тогда не до жиру было, а потом поздно стало. Хотя можно было бы поглядеть, что там есть в салонах. Мало ли что богатеи в машинах оставляли.

– Не до того, – отрицательно покачал головой старший. – Хотя... Гляди, Рафаль точно в церковь прет. Давайте вскроем пару машин, раз уж идем через стоянку. Только чтобы стекла были закрыты. Вон, гляди, как раз в рядок стоят. Сень, давай поводок, поработай монтажкой. Вась, ты топориком кусты посрубай вокруг.

– Хорошо, Мартын Сергеевич. – Я вслед за Сенькой сбросил рюкзак на асфальт и начал обрубать ветки, мешающие подобраться к машинам.

Мародерка нас увлекла, мы распотрошили пяток машин.

– Глянь, что! – Присвистнув, Клим вытащил из оперативной пластиковой кобуры отлично сохранившийся пистолет. – А, ерунда, резинострел. Только на сувениры. Блин, богатеи же, неужели у них ничего стоящего не было, кроме этого? – И молодой урядник кивнул на небольшую кучу хабара около наших рюкзаков.

Десяток бутылок старого коньяка и водки, пара блоков сигар в пластике (кому они нужны, понятия не имею, сейчас курящих практически нет), три кейса с инструментами, монтажки – и в принципе больше ничего хорошего.

– Ты немного не прав, Клим. – Я вытащил из окаменевшей добротной борсетки, сделанной из какой-то кожи, пачку древних долларов, плотную банковскую упаковку пятитысячных рублевых купюр, несколько пластиковых карт. – Тогда этого в большинстве случаев было достаточно.

– Ага, на тебя волк нападет или бандит, а ты ему деньги совать будешь! – вскинулся молодой урядник. – Вась, ты же сам в прошлом году с отрядом ходил, банду гонял. Знаешь ведь, они как ласки, дуреют от крови и режут всех подряд.

– Наверное, тогда была другая жизнь! – пожал я плечами, подбрасывая старые деньги в воздух. Красные и зеленоватые бумажки, гонимые ветром, закружились, как опавшие листья.

– Дело не в этом. – Самый спокойный и умудряющийся казаться незаметным третий спасатель Роберт взвесил большой кейс с инструментом. Покачал головой. – Мы не сможем ничего из этого взять. Судя по всему, девушку, если она еще жива, придется выносить. А это весит больше полцентнера. Так что придется оставить здесь.

– Возьмите пару бутылок водки или коньяка. – Старший поглядел на наручные часы. – И пошли. И так двадцать минут здесь потеряли.

7 июня 2241 года, понедельник

Развалины центрального района старого города

Василий Ромашкин

Рафаль глухо зарычал и сделал стойку, оттянув поводок.

– Смотрите, лоси! – Сеня показал на старый перекресток. Точно, лосиха и пара подросших телят вышли на свободное от деревьев и завалов место. Рудольф громко и звонко свистнул, хлопнул в ладоши, но звери просто внимательно поглядели на него и сторожко, неторопливо зашли в кленовый лесок. Совсем людей не боятся. Может, впервые и увидели, тут охотники не ходят.

– Так, потопали. Сеня, веди.

Сергеич пошел следом за собаководом. За ним двинулся Рудольф, со вздохом накинувший на плечи рюкзак со складными носилками. А за ним в цепочку выстроились остальные. Завершал шествие я. В голове и хвосте колонны в старом городе всегда должны быть некроманты.

– Точно, церковь. И гляди, часть уцелела. И дымком тянет. Похоже, дошли?

Мы вышли на площадь, одну из тех, что раньше назывались соборными.

– Так. Сеня, Василий, я убивцев не чую. Как вы? – Старший снял с себя рюкзак и перекинул на грудь укороченную винтовку. – Особо ты, Вась?!

– Глушит все город, Мартын Сергеевич, почти ничего не чую! – покачал головой Семен.

– Там кто-то недавно умер. – Я кивнул на здание на противоположном конце площади. – В соборе ничего, кроме света. Есть кто-то живой, один. Убивал, и не единожды. Но в бою. Давно уже.

Ну да, мы, некроманты, не только смерть чуем. Живых тоже, если хорошо постараться.

– Нет, Вась, зря ты в инквизицию не идешь, – покачал головой Сергеич. – Катался бы как сыр в масле.

– Они вкалывают как волы, Мартын Сергеевич, от одного неупокоя к следующему. Некогда им кататься. Да и дисциплинка у них. Не погуляешь, по девкам не побегаешь. Нет уж, благодарю покорно. – Снова отказался я, усмехнувшись про себя. Инквизиция, инквизиция. Ну сватали меня в эту контору, больше напоминающую сейчас джедайский орден из старой фантастики. Мол, они несут спокойствие и мир на планету. И спрашивается – для чего?

Сейчас на всей Земле по меркам прошлых времен живет народа – всего ничего. Милье-нов сто пятьдесят – двести в Евразии, примерно столько же в остальном мире. В Африке и в большей части Латинской Америки народ фактически вернулся к племенному строю, существуют, как в каменном веке. Только в некоторых местах сохранили знания и очаги цивилизации.

То есть места на планете – живи и радуйся. Так нет, инквизиторы лезут к старым поселениям, уничтожают неупокоев, разгоняя их порой на сотни верст. Но при этом они на самом деле готовы в любой момент рвануть на зов о помощи и даже нелюдей умеют судить честно.

– Ладно. Клим, разверни рацию, отстучи, что прибыли на место, приступаем к спасательной операции. Семен, Рудольф, готовьтесь. Сержант, ты с Василием на всякий случай бдите здесь, договорились?

Спасатели скинули с себя все лишнее, оставив по пистолету, по мотку плотной веревки и еще кой-какие спасательные вещицы на специальном жилете-разгрузке. Потом аккуратно, бесшумно вошли под своды старой церкви. Даже Рафаль, казалось, вел отряд на цыпочках.

Вскоре из дверного проема храма вышел Сенька и позвал нас.

Пройдя пыльный притвор, я увидел в среднем храме ту, ради которой мы сюда и при-топали. Чуть подальше сидел, тихонько рычал и скалил зубы знакомый кобель, привязанный к какому-то возвышению. Похоже, пострадавшая привязала псину к алтарю. Рафаль, страхуя, стоял между овчаром и людьми.

Худошавая черноволосая женщина лежала на каких-то в далеком прошлом блестящих вещах, около кострища, в котором, судя по всему, сжигались куски старой храмовой мебели. Сказать, сколько ей лет, было очень затруднительно, лицо нашей клиентки покрывали грязь и копоть, то же самое было с ее одеждой.

Сейчас Сергеич, срезав самодельную повязку и распоров штанину, осматривал ее ногу. Неподалеку валялся ботинок, тоже располосованный старым спасателем. Рудольф придерживал руки женщины, обняв ее сзади.

Моя открытая аптечка валялась неподалеку, судя по всему, пригодилась. Нет, пригодился не пистолет – «дерринджер» по-прежнему лежал в аптечке, а вот вскрытая упаковка антибиотиков и пустая обертка от пеммикана показали, что я угадал.

– Как она? – первым делом спросил сержант, подойдя к спасателям и спасаемой.

– Не очень хорошо, скорее, плохо. Закрытый перелом, судя по всему, серьезное воспаление. – Сергеич закончил осмотр и сейчас делал в бедро женщине несколько уколов подряд. – Наложу шину, вызовем «кукурузник». Нужна операция, и срочно. Попала ты на деньгу, барышня.

– Ничего, расплачусь. – Женщина на какое-то время расслабилась, обмякла в руках Рудольфа. – Там, напротив площади – банк. Мы в нем взяли около пуда в монетах и слитках, золото и серебро, пара брусочков платины. На выходе Константин провалился сквозь прогнивший пол, началось обрушение. Вячеслав попал под упавшую плиту, а я вышвырнула рюкзачок с добычей в окно и едва успела выпрыгнуть. При этом сломала ногу. Долго ждала, кричала, но парней не было. При помощи Альфреда перебралась через площадь сюда, в церковь, и отправила пса за помощью. Он вернулся, принес записку и посылку. Спасибо тому, кто ее послал и сообщил вам.

– Вон Василия благодари, – кивнул на меня старший, накладывая шину на ногу застоявшейся и до крови прикусившей губу... скорее, девушке. Или молодой женщине, сейчас я уже мог определить, что она если и перешагнула за тридцатник, то недавно. – Клим, разверни рацию, вызывай «летающего дохтура». Биплан на площади сядет спокойно, там чистого места хватает. Остальные – готовьте костры, надо разметить место посадки. Сеня, садись к Алене, я пошел руководить. А то наворачают, архаровцы.

Под руководством старшего мы немного расчистили от кустов и разметили площадку примерно сто пятьдесят на тридцать метров, благо старая площадь была выстроена капитально. После чего соорудили посадочные костры из старья, собранного в салонах древних машин. А что, эта старая, расплзающаяся в руках синтетика отменно и дымно горит. Как раз то,

что нам надо. Да еще маслом полили, набрав его из-под севших на ободья джипов. Пробили им картеры и надоили масла. Как раз хватило.

Вскоре прилетел небольшой самолетик. Покрутившись над помеченной дымами площадкой, он лихо приземлился и, коротко прокатившись, встал неподалеку от нас.

– Где пострадавшая? – Из открывшегося люка выскочил коренастый дядька в синеватом костюме.

– Сейчас принесут, – поздоровался с ним за руку Сергеич и, обернувшись, показал на пару спасателей, вынесших девушку из храма. – Только у нее овчарка. Возьмете с собой, а то мы не знаем, как она себя поведет без хозяйки?

– Возьму, только надо в салоне привязать за поводок покрепче, – кивнул врач и быстро проверил у девушки пульс, давление, температуру. Потом коротко осмотрел ногу, нахмурился и скомандовал заносить в салон.

Я в это время разговаривал с пилотом. С Джеком мы уже года три как знакомы, все-таки не зря я тоже служу в авиации.

– Вась, вы тут поосторожнее. Севернее, по-моему, стая расквыр, по крайней мере, мне так показалось. Штук сто – сто пятьдесят, не меньше. Я торопился, потому не стал круг делать, – Джек тоже был некромантом, пусть и не очень сильным. – Километрах в десяти отсюда, там вроде как детская колония была.

– Блин, фигово. – Я почесал затылок и вытащил карту города. Не такая масштабная, как у Сергеича, но тоже достаточно подробная. – Покажи, где?

– Вот здесь. – Палец Джека уверенно ткнул в детскую спецшколу, когда-то работавшую в этом городе. Точно не простые вороны, Вась.

– Спасибо, Джек. Мы бы тем путем обратно пошли, скорее всего. Там таких разрушений нет, точнее, таких диких завалов. – Я пометил на карте место, пожал руку пилоту и отошел в сторону, пряча карту в свой карман. Карманы у моей куртки хорошие, там места много и вещей полезных хватает.

Тем временем в самолетик уже загрузили Алену, ее рюкзачок с добычей, Альфреда и доктора. Джек завел двигло своего летала, при нашей помощи развернулся (ну да, ухватили вчетвером за хвост, приподняли и развернули), и вскоре самолетик исчез за высокими деревьями.

– Ну, мы свое дело сделали. – Сергеич поглядел на часы. – Ночевать будем в храме. Но времени еще несколько часов. Пошарим в старых машинах?

– Надо бы проверить, как она своих напарников отмолила – Алена рассказала, что прочитала в храме заупокойные молитвы по погибшим парням. В принципе такого должно хватить, чтобы нормально проводить души. Но проверить не помешает. – Да и поглядеть требуется, может, тела завалить нужно. У тебя же тротил есть, Мартын Сергеевич?

7 июня 2241 года, понедельник

Развалины центрального района старого города

Василий Ромашкин

– Найдется. Шесть шашек по пятьдесят грамм и шнур с детонаторами, – кивнул старший спасатель. – Ты прав, я как-то не подумал.

Что поделат, мир, в котором мы сейчас живем, – жесткий. Не жестокий, а именно жесткий. Никто не заставлял этих ребят лезть в старый город, никто. Мы спасли, кого смогли, и вовсе не обязаны заботиться о мертвых. Тут вокруг тысячи смертей, я это постоянно ощущаю. Но именно эти две ярким пятном висели в общем фоне, и мне это совершенно не нравилось.

– Что-то не так в этом банке, Мартын Сергеевич. По-моему, он не просто так схлопнулся. – Я поглядел на развалины старого коммерческого банка. Не часто в старых городах встречается золото и серебро в таких количествах, как в рюкзаке у Шушкиной. Блин, и не спросил ее, откуда они узнали про банк. – Пошли поглядим.

И я проверил, как из засапожных ножен выходит тяжелый нож. Ну не нравился мне этот банк с самого начала! Как мы сюда пришли, так на нервы и действовал. Глядя на меня, Сергеич и Сенька проверили свои ножи. Вообще, большинство ножей некромантов практически одинаковы – обоюдоострые кинжалы в простых деревянных ножнах, обитых серебром. Правда, куют их из сложного сплава, и на лезвии, вроде как черном, серебряные прожилки. Гасят неупокое не сами ножи, просто нам так намного проще отправить неупокоенную душу туда, где ей место. В ад, или в рай, или на перерождение, это не нам решать.

Чем ближе мы подходили к дому, тем яснее становилось, что молитвы Алены не подействовали как должно и души погибших парней не обрели посмертия.

– М-да. Беспокойные ребята, никак не угомонятся! – Сергеич похлопал лезвием ножа по ладони. Поглядел на окно второго этажа, к которому была прислонена грубо сколоченная лестница. Ну, ясно, искатели-мародеры нарубили осинок и смастерили. Вообще-то, староват я уже для таких номеров.

– Так, все ясно. – Кивнул, скидывая рюкзак на истрескавшуюся бетонную черепицу, или как она там называлась? А, брусчатка. Вспомнил. Сейчас такого не делают, дорого-вато. У нас улицы вымощены обрезками лиственницы. Относительно дешево, и грязи нет. Ну, или щебнем трамбованным засыпаны и битумом залиты. Вроде как асфальтовый завод строят, но строят уже несколько лет. Все время находятся дыры в бюджете города. – Сень, подстрахуешь?

– Договорились, – кивнул спасатель, тоже скидывая с себя лишнее снаряжение.

– Парни, осторожно. Там свежие обрушения, – покачал головой Сергеич. Но останавливать не стал, новые неупокои ни к чему. Проще отпустить ребят.

По лестнице, хоть и корявой, но прочной, я поднялся к окну и внимательно оглядел комнату. Не стал сразу влезать, некуда торопиться.

Интересно, Алена сказала, что один из парней провалился, но тут обрушилась стена соседней комнаты и завалила помещение битым кирпичом, а пол уцелел. В одном месте из-под кирпичей натекла лужа запекшейся и уже высохшей крови.

Я неторопливо осматривал помещение. И просто осматривал, и, так сказать, «внутренним взором». В училище говорили – «сканировать». Вот и сканировал.

Вещички парней и Алены, кстати, вон там, в уголке неподалеку. Три винтовки, FN-FAL, одна армейская и две полуавтоматические гражданские. Это отсюда хорошо видно. Рюкзаки и разгрузки. Понятно. Алена рассказывала, что ее товарищи с обрезками двудулок, заряженных серебром, пошли на дело. Один из них, Константин, был некромантом. По словам девушки, не самым слабым. И тем не менее они здесь погибли.

– Как там? – Сенька вверх не полез, ждал меня. И правильно делал. По крайней мере, смогу оттолкнуть лестницу и потом спрыгнуть.

– Погоди, Сень. – Я не торопился.

Оглядев каждый закуток, просканировав каждый кирпич, я аккуратно спустился в комнату и бочком-бочком пошел в угол.

В окне объявился Сенька и тоже плавненько влез в комнату. Моя настороженность передалась ему, и спасатель держал руку на рукояти ножа, который носил в нагрудных ножнах слева, рукоятью вниз.

– Тихо?

– Пока – да. – Меня нервировало то, что я не мог увидеть души погибших мародеров, но при этом чувствовал их где-то неподалеку. – Пока – тихо.

И в этот момент моя правая нога по колено вошла, как в кисель, в бетонный пол и намертво застряла в нем. Сенька, попытавшийся выдернуть нож, получил в грудь кирпичом и, ударившись о простенок между окнами, сполз по старым пластиковым панелям на пол.

– Сволочи... – прошипел голос, и из кирпичной кучи появилось нечто. – Хотите мои деньги. Та стервочка сбежала с серебром, оно мне мешало, но золото из хранилища я вам не отдам.

– Ну вот и объявился! – облегченно выдохнул я, с трудом ухватив полтергейста. Потом метнул в него свой второй нож, который носил за пазухой. Ну да, в моей куртке много карманов. Только этот нож узкий, больше похож на офицерский кортик.

Пронзительное шипение и одновременно бьющий по нервам инфразвук вырвались из припиленного к стене полтергейста, но я сумел «продавить» сопротивление неупокою, и наступила тишина.

– Сень, ты как?

Спасатель пошевелился и со стоном сел. В окошко влетел Сергеич с ножом в одной руке и пистолетом в другой, ошалело поглядел на бьющегося в судорогах полтергейста, покачал головой и кинулся помогать Семену.

– Освободи мою ногу! – Бетон расступился, и я вытащил свою конечность из неожиданной западни. Нет, читал я в учебнике, что сильный полтергейст способен оперировать материальными объектами. Точнее, очень сильный. Но с таким я вообще впервые встретился. И сейчас очень был благодарен своему учителю, который когда-то посоветовал приобрести второй клинок. – Чего ты разбушевался, дух? И кем ты был?

– Я хозяин этого банка. Был и есть. И никому не отдам валюту и золото. – Снова зашипел призрак и приобрел черты когда-то крепкого мужчины в хорошем, очень дорогом костюме. – Ненавижу!

– Зря! – Я отправил духа туда, куда ему и дорога. После чего подошел и с огромным трудом вытащил пробивший пластик, глубоко вошедший в бетон нож. Осмотрел лезвие, с удивлением не нашел изъянов и спрятал его в ножны. – Сволочь старая, все-таки уморил мародеров полностью. Поглотил их души целиком в момент атаки.

– Ну и бог с ними.

Сергеич поднял Сеньку, с трудом приходящего в себя после сильнейшего удара. Я вообще не понял, как он уцелел после такой «кирпичной» атаки, мне бы все ребра переломало.

Впрочем, когда Сенька вытащил из внутреннего кармана большую флягу из нержавеющей стали, до меня дошло, в чем дело и какой Семен везунчик.

– Теща подарила. – Сенька покачал головой, разглядывая глубокую вмятину от угла кирпича в центре фляги. – Блин, когда вернусь – расцелую Анну Сергеевну и торт шоколадный куплю.

– Ты ей лучше цикас купи, она ходила вокруг него в «Ашане», – усмехнулся Сергеич, надевая на Семена страховочную сбрую и привязывая к нему толстый репшнур. Ну да, Семена пошатывало, лучше подстраховать при спуске по лестнице. – Рудольф, лезь сюда. Сенька отодрался, вдвоем его тяжело спускать. Василий хоть и похож на медведя, но Сенька тяжелее его.

Ну да, я вешу сто двадцать кило, а Семен сто тридцать восемь, и лишнего веса у него вообще нет. Здоровуший чумадан.

Подстраховав, а точнее спустив по лестнице Семена, Мартын Сергеевич отправил Рудольфа вниз, к мужикам, и начал помогать мне собирать трофеи. Точнее, рюкзак и винтовку Алены, оружие и снаряжение ее напарников.

*7 июня 2241 года, понедельник
Развалины старого банка*

Василий Ромашкин

– Ого! – Я покачал головой, разглядывая хитромудрые пули в патронах от ФН-ФАЛ. – Читал про такие, но вижу в первый раз. Погляди, Мартын Сергеевич. Серебряная стружка в плотной пластмассе. Патрон разлетается в пыль в теле нечисти, и все серебро ей достается. В результате его надо меньше раз в шесть, соответственно, и патрон дешевле. Ты глянь, серьезно парень подготовился, три магазина по двадцать. Жаль, не наша «шестерка», а триста восьмой. Европа, штоб ее.

– Так оставь себе винтовку, одна по праву твоя. И вот, возьми. – Сергеич протянул мне увесистый длинноствольный револьвер. – Бельгийский ФН, родственничек твоего пистолета и этих винтовок. И калибр распространенный, тридцать восьмой специальный, и патронов с такой же серебряной пулей сотня. Что же с собой тот некромант взял? Если он такой запасливый?

– Да кто его знает? – Я поглядел на немалую гору кирпича. – Разбирать долго, Мартын Сергеевич. Не стоит, наверное. Пусть все у него останется. Хотя, если учесть, что произошло поглощение душ, им все равно.

– А золото? Ты как думаешь, не наврал банкир? – Спасатель поглядел на завал, почесал затылок. – Хотя, если хранилище за этим завалом... ты прав, тут работы немерено. Есть идеи?

– Ага. – Кивнул я, осматривая трофейные винтовки. Отличные машинки, в очень хорошем состоянии. В принципе, скорее всего, возьму армейскую с автоматическим огнем. Она подороже немного, чем гражданские образцы. – Надо будет зайти после окончания к кадырочкам и оставить наводку. Сам знаешь, у Аслана-старшего нюх на золото. Вот пусть и разбираются. База для ночевки есть, рядышком.

– Точно, – согласно кивнул старший и закрыл Аленин рюкзак. Конечно, ее, он и поменьше, и белье женское поверх в пакете лежит. Хотя, может, кто-то из ее спутников фетишистом был? Да нет, вряд ли.

В паре других рюкзаков обнаружили шмотки, консервы, патроны. Ничего лишнего, все функционально. Опытные путешественники.

– Прибалты, похоже, – Сергеич вчитался в надпись на рыбных консервах. – Хорошие шпроты, на закуску пойдет.

– Точно! Там же еще водка и коньяк остались! – Я перегнулся через подоконник, и вскоре Рудольф и Клим в сопровождении Рафаля отправились на автостоянку за оставленным хабаром. Тут недалеко, вокруг чисто, быстро обернутся.

Спустили вещи, спустились сами, сняли лестницу и положили ее около стены. Так сказать, убрали от греха подальше. Ну его, полезет кто-то, а дерево высохнет, гвозди вывернет. Грохнется еще, расшибется.

Вскоре мы собирали хворост, попутно проверяя невскрытые машины. На удивление много их осталось. Впрочем, ничего странного. Спальный район, одни многоэтажки. Камней вокруг навалило так, что хрен проедешь и ничего не вывезешь. Кроме того, тут ни автосалонов, ни предприятий. Ничего, магазины и парикмахерские. А магазины Прошлых складов не имели, работали с колес. Хотя...

– Смотри, Мартын Сергеевич, – я ткнул пальцем в полуразвалившийся ларек, – «Охота, туризм, рыбалка». Стоит поглядеть?

– Разве блесны и крючки. – Сергеич подошел и попробовал качнуть ногой стену. Под ботинком с хрустом сломалась насквозь прогнившая сэндвич-панель. – Оружейных таких не бывает, тогда оружие продавали в очень специальных магазинах, в скобяной лавке купить его было невозможно. И продавали – по специальному разрешению полиции, правда, законопослушным гражданам без особых проблем.

– Да уж, закончики! – Я покачал головой. Нет, я много что знал про прошлые времена, с удовольствием читал старые книги, точнее, новоизданные. Но вот таких откровений хватало. Я привык, что оружие является одним из первейших жизненно необходимых товаров. Хотя тогда вроде как жизнь была поспокойнее. С другой стороны, настолько мощная армия была, что до сих пор их танки и бронемашинны на старых складах встречаются. Конечно, сейчас они в принципе уже не нужны как боевые машины, но сталь на них отменная, и стоит такая машина немало. Это не гнилушка «мерседес». Хотя, если подумать, мы сегодня хоть по мелочи, но наколупали неплохо. Каждому досталось по хорошему набору инструментов, нашли пяток алюминиевых канистр, которые потом разыграем. Хорошо. И это не учитывая винтовки и револьвера. И та, и тот свеженькие, выпущены восемь лет назад, не растреляны. Отличное оружие.

*7 июня 2241 года, понедельник
Развалины старой церкви*

Василий Ромашкин

Вечером, сидя у костра, разложенного в сооруженном нами очаге посреди храма, я пересчитал серебряные патроны для винтовки и револьвера. Очень неплохо, сотня винтовочных и сто шесть револьверных. Сотня в пачках и шесть в револьвере. Интересно, запасной револьвер в рюкзаке, и к тому же снаряженный серебром. Бывший хозяин или параноик, или идиот. Третьего не дано.

Почистив свою новую винтовку, я забил в магазины патроны с серебром. Днем погляжу, нет ли повреждений на пулях при подаче патрона в ствол. А то точности никакой при выстреле не будет.

– Клим, хватит баловаться! Еще глаз кому-нибудь выбьешь! – психанул сержант, глядя, как его подчиненный играет с найденным пистолетом.

– Товарищ сержант, патронам двести годов уже. Да и пистолету тоже, пружины сели напрочь. Не стреляют, я пробовал. Вот, смотрите! – Клим передернул затвор, отвел ствол резиноплюю в сторону и нажал на спуск.

Хлопнул выстрел, и с иконостаса упала икона Божьей Матери.

Я почувствовал, как по спине прокатился холод, как будто кто-то ледяной крошки насыпал.

– Клим, придурок, что ты наделал?!!

– Да я не думал, что выстрелит! – Сконфуженный урядник вскочил, отбежав подальше от разъяренного сержанта, поднял старую икону и, вытерев ее ладонью, установил на место. – Я раз сто стрельнуть пытался, не получалось.

– Дубина! Теперь из рядов не вылезешь! И с полигона! Пока не вызубришь правила обращения с оружием. – От лица сержанта можно было прикуривать.

– Не о том говорите. – Я медленно вставил магазин в бельгийскую винтовку и передернул затвор, заряжая ее серебром. – Вы не заметили, но Он лишил этот храм своего благословения. Теперь это просто старый дом.

В наступившей тишине, в неверном свете костра и светодиодного фонаря я начал осматривать внутреннее помещение храма на предмет имеющихся укрытий и возможности проникновения через проломы неупокоев-одержимых. Призраков, даже самых крутых полтергейстов, способных просочиться сквозь стены, я не боялся – три некроманта справятся практически с любым количеством пришельцев. Это полтергейст-хозяин крайне опасен именно тем, что сживается с домом. Сейчас вспоминаю приключение в банке, и мне становится не по себе. Банкиру, ни дна ему ни покрышки, немного не хватило. Нет, в следующий раз, когда он случится, в такой дом с ножом в руке надо лезть.

Нож – проводник душ отсюда, и потому он в разы усиливает мощь любого некроманта. Но все равно, главное – это способности, отточенные тренировками. Я не инквизитор, но тренируюсь на полигонах постоянно, и каждый день стараюсь медитировать. Не всегда получается, к сожалению.

– Ты серьезно? – спросил побледневший сержант, судорожно сжимая дробовик в руках. И, дождавшись моего кивка, полез за пазуху. Вытащив оттуда три патрона, освободил магазин от обычных и дозарядил новыми. – С серебром, – пояснил он.

Все стали как-то буднично перезаряжать оружие. Даже Клим, сначала впавший в ступор, вытащил из своей винтовки магазин-двадцатку и вставил десятизарядный. Обычно в таких магазинах патроны с серебром, чтобы не путаться.

– Клим, держи. – Я перебросил ему свой, дополнительный. У меня всегда два магазина по двадцать с пулями в серебряной оболочке. Давненько уже так хожу, было дело в моей юности. Далеко не всегда неупокой и нежить подставляются под выстрелы, как в тире. Нет, в большинстве своем они прекрасно помнят, что такое огнестрельное оружие, и прекрасно осознают опасность серебра. Потому стараются использовать и все укрытия, и свои возросшие физические способности. Обычный человек видит нежить за пару секунд до ее нападения, и чаще всего это последнее, что он вообще видит. – Приготовьте побольше хвороста, по нашей команде бросьте в огонь и полейте соляркой.

– Действуйте, мужики, – кивнул Сергеич, совершенно не возмущенный моими указаниями. – А ты, Василий, давай, переходи в режим сканера. Судя по всему, ты из нас троих самый сильный некромант. Чем дальше засечешь неупокоев, тем больше у нас шансов.

– А они у нас есть? – Здорово побледневший сержант попытался улыбнуться. – Ночевка в ненадежном укрытии в старом городе – и есть шансы?

– Есть. Нежить обычно делит территорию, тут вокруг пока нет никого особенно сильного. Полтергейст, живший в банке, судя по всему, перекрывал дорогу с той стороны. Вокруг храма чисто было, кроме того, речка сзади. Нечисть текущую воду не переносит, сюда ей, кроме как через пару мостов, хода нет.

*8 июня 2241 года, вторник
Развалины старой церкви*

Василий Ромашкин

– Подъем, мужики. Тревога! – Не получилось спокойно переночевать, не повезло. Еще бы чуть-чуть, и дождались утра. – Идут сзади к церкви, поверху. Нежить некоторая и летать умеет. – Я «слушал» пространство, и мне очень не нравилась как раз эта сторона. – Похоже, расквыры. Джек их над старым интернатом видел. И их много, мужики. Очень много.

– Хреново! – Зевнув и переломив свой короткий дробовик, Сергеич вставил в него два патрона. Поглядел на меня, проверяющего леввер, посмотрел на винтовку Рудольфа. Подумал и скомандовал: – Рудольф, отдай свой автомат Василию, тебе и пистолета хватит. Он и как стрелок намного лучше, и видит нежить как инквизитор. А ты, Вась, как отстреляешь магазин, не перезаряжайся, хватай ФН и бей из него. Рудольф перезарядит тебе винтовку. Все равно,

если не управитесь с Климом и Семеном, расстреляв пару магазинов, дадите прорваться расквырам в окна – за ножи браться придется. Из пистолетов здесь – друг друга перестреляем. Готовьтесь, мужики.

– Минут пять осталось, не больше. – Я забрал от Рудольфа автомат, пару раз кинул его к плечу. Блин, вроде все одинаковые, но мой родной лучше – я практически знаю, куда он положит пулю. А у Рудольфа чужой, даже рукоять по-другому в руке лежит. И хорошо, что из ФН пару магазинов обычных патронов высадил по развалинам какого-то супермаркета. Неплохой винтарь, хорошо в плечо лег. Отдача, правда, посуровее, чем у нашей «шестерки».

– Блин, в глазах двоится! – Семен потряс головой, его ошутимо повело. Да так, что он за стенку рукой ухватился, чтобы не упасть. – Гадский банкир, неужели сотрясение мозга?

– Так. – Старший подскочил к Сене и отобрал у него винтовку. – Садись, готовь наган. Но стреляй вверх. Мужики, не вздумайте стрелять горизонтально. Если расквыра нападет, бейте ножом или прикладом, ее можно убить, если разбить голову. В храме не стреляйте, иначе поубиваем друг друга.

Из ночного города послышался вороний грай, пробирающий морозом по шкуре. У расквыр другой тембр карканья, в нем прилично инфразвука.

– Минута.

Я и Клим бросили в костер по охапке сухого хвороста, Рудольф плеснул солярки, которая оказалась в паре канистр. Высоко взлетело дымное пламя, ярко осветив старую церковь. Лики святых на древних иконах были суровы и беспристрастны.

– Добавишь по команде, Рудольф. Сорок секунд. Тридцать. Двадцать. Лей еще!

Пыхнув, снова взметнулось пламя. В сверкающее обломками цветного стекла окно влетела первая расквыра, и тут же разлетелась в клочья, в тусклый дым, от попадания тяжелой автоматной серебряной пули. Только перья полетели вверх, увлекаемые горячим дымом нашего костра. Гулко хлопыстнул выстрел, здорово ударил по ушам, все-таки в помещении стрелял.

Но это было только начало. Дальше сразу в три окна рванул десяток черных птиц, и я с ужасом понял, что мы не справимся.

Клим и Сергеич мазали, попадали в цель только каждым пятым выстрелом, летели штукатурка и куски изразцов, визжали рикошеты, а толку от этого было чуть, я просто не успевал выбивать расквыр. Одна спустилась почти до высокого семисвечника и была сбита выстрелом из пистолета.

Это я заметил, хватая трофейную ФН. Мне удалось сбить трех из пяти пикирующих расквыр, одну принял на клинок Сергеич, еще одну разнес дуплетом из дробовика Рудольф. Сержант пока не вступал в дело, хладнокровно приберегал выстрелы.

Стреляя в новую партию нежити, рвущуюся в окошко, услышал грохот дробовика сержанта и хлопки пистолетных выстрелов остальных эмчезсников. Все, «шестерка» в серебряной оболочке закончилась, остальные пули в барабанах служебных наганов, в запасных магазинах для ФН (идиоты, у нас еще две таких винтовки!!!), в моем пистолете и револьвере, который я засунул сзади за пояс.

Впрочем, у меня его кто-то из-за пояса вытащил. И «сорок пятый» тоже, из кобуры.

Я, уже ничего не слыша, сменил очередной магазин. Оглох от стрельбы. А сверху пикировали черные птицы.

Одну из них, схватив винтовку за горячий ствол, как заправский бейсболист, отправил в полет на стену Клим, еще одну схватил за тулово и отстрелил ей голову из моего пистолета уже обычной пулей Сергеич. Наплевавший, кстати, на свой собственный запрет и стрелявший горизонтально.

Сняв трех расквыр, ФН встал на затворную задержку, и я сунулся за очередным магазином, ясно понимая, что не успеваю. Остальные уже всю рублились с нежитью врукопашную, и вроде пока успешно, все-таки птички были чуть крупнее обычной вороны.

И вдруг сверху на пикирующую черную расквыру упала серебристая молния, и на пол обрушился клубок из дерущихся птиц. На двух следующих тоже напали. Снаружи слышалось не просто карканье, это были звуки натуральной драки.

– Не стрелять!!! – заорал я, все еще боясь поверить в спасение. – Грайвороны!!!

– Не стрелять!!! – изо всех сил гаркнул Сергеич, вытирая рукавом кровь, сочащуюся из рассеченной брови. Не веря своим глазам, поглядел на верещащий комок из нескольких птиц на полу и устало сел, практически упал на задницу. – Доложить о ранениях!

– Я цел. Практически. – Рудольф оглядел свою изодранную куртку и присел рядом с Сергеичем.

– Цел. Только ладони обжег. – Клим поглядел на лопнувшие кровавые полосы на руках. Нехило спалил.

– Цел. – Я вставил полный магазин в ФН и поставил винтовку на предохранитель. Вытащил из разгрузки полный магазин, перебрал его Сергеичу и кивнул на стоящие в углу полуавтоматы. – Надо зарядить. На всякий случай.

– Цел. – Семен, сидя на полу, осторожно потряс головой. – Но еще раз башкой приложился. Хорошо, мозгов нет, а то брызгами вылетели бы.

Скуля, из-под алтаря, припадая на прокушенную переднюю левую лапу, выполз Рафаль. Одно ухо у него висело лохмотьями. Но пес явно не сдался, морда вся в перьях и какой-то слизи, из-за чего он морщился и отплевывался.

– Сержант, доклад! – Сергеич оглянулся. – Сержант?

– Товарищ сержант? – Клим сунулся в ту сторону, откуда стрелял сержант. – Мартын Сергеевич, скорее!

Подбежав на заполошный вопль молодого урядника, я увидел, как опередивший меня Сергеич при помощи Рудольфа переворачивает лежащего ничком и схватившегося за горло пожилого полицейского. На полу под ним растеклась немалая, даже, скорее, огромная лужа крови. Рядышком лежала расквыра с разможенной головой.

Но стоило тронуть сержанта, как у него разжались руки и обмякло тело. Страшная рваная рана на горле явственно показывала, что именно стряслось. Расквыры все-таки размочили счет.

8 июня 2241 года, вторник

Развалины старой церкви

Василий Ромашкин

– Все, ушел. – Я стянул с головы кепи. – Царствие ему небесное.

– Я тоже это уловил. – Сергеич стянул с головы форменный котелок.

Остальные в наступившей тишине тоже сняли головные уборы, спасатели – котелки, а урядник – фуражку.

Хлопая крыльями, взлетели победившие грайвороны и исчезли в окнах.

– Сорок минут до рассвета. Чуть-чуть не дотянули. – Сергеич поглядел на наручные часы и надел свою шляпу. – Чуть-чуть не продержались. Эх, Господи, за что же нас так? – поглядел на иконы и все-таки перекрестился.

Мы перенесли погибшего и уложили тело на расстеленную тяжелую шелковую ткань, к удивлению отлично сохранившуюся. Впрочем, я слышал, что шелк хранится веками, если лежит в темноте.

– Клим, разворачивай рацию, вызывай самолет. Надо сержанта отправить. Как его звали-то? А то «сержант», «сержант»...

Сергеич устало сел и стал смотреть на меня, собирающего лопатой убитых расквыр. Надо их срочно в одну кучу собрать и сжечь, а то вони не оберешься. Как в книжке написано, расквыры разлагаются в течение пары часов в темноте и практически мгновенно при солнечном свете. Убитые, разумеется, живые спокойно могут днествовать в кронах и даже понемногу летать, если на небе облачка-гучки.

– Его Евгений Федорович звали, Остаповцев. Но ему нравилось, когда его сержантом называли, потому и имени его практически никто не знал. А рация? Нет рации. – Клим потряс дорожную аппаратуру, которая явственно забренчала. – Кто-то пулю всадил, да не одну. Похоже, сорок пятый калибр. Мартын Сергеевич, вы же сами запрещали стрелять горизонтально!

– Запрещал... – понуро опустил голову старший спасатель. – Тогда похороним его здесь. Не факт, что мы сумеем выйти с такой ношей из города.

Это да. Старые города не любят выпускать своих погибших. Не нами это замечено, не при нас закончится. И если попытаемся вынести сержанта отсюда, то, вполне вероятно, потеря станет больше. А то и вообще все тут останемся.

– Рудольф, собери стреляные гильзы, отсортируй те, которые от патронов с серебром. Надо будет отчитаться, да и Василия в растраты вгонять не стоит. – Сергеич покачал головой, поглядел на накрытое тело сержанта и снова покачал головой. – Да уж. Вот это поход. А ведь он еще не закончился. Сень, ты как? Идти сможешь?

– Если кто-то подержаться за рюкзак даст, смогу. Голова кружится, но терпимо. – Семен откинулся от стены, опершись на которую сидел.

Тем временем я сложил тела расквыр на сухой хворост, поверх них положил два тела грайворонов и облил все соляжкой.

– Сергеич, ты старший. Поджигай. – Протянул ему вытащенную из нашего костра горящую ветку.

– Эх-хех, доля ты наша... – кряхтя, крепкий еще мужик встал и забрал у меня ветку. – Прости им, Господи, грехи вольные и невольные, да суди не по строгости Твоей, а по милосердию Твоему. – И поджег погребальный костер.

– Вась, а чего он их, как людей? – шепотом спросил Клим, глядя на ревущий огонь, пожирающий птиц.

– Потому что это дети, Клим. Души детей. Расквыры – души детей злых, испорченных, с черной душой. А грайвороны – обычные детишки, которых не похоронили нормально. – Я увидел мелькнувшее в пламени лицо маленькой девочки, улыбнувшейся и помахающей мне рукой, и махнул рукой в ответ. – Каких птиц больше всего на месте катастрофы, Клим? Воронов, ворон, галок, грачей. Вот и вселялись неупокоенные детские души в этих птиц. И появлялись грайвороны и расквыры.

– Хватит лекции читать, Василий! – Сергеич подошел к нам и вручил две лопаты. – Рассветело уже. Ты и Рудольф. Идите поищите место и начинайте копать могилу. Вась, постарайся выбрать место получше... пожалуйста.

– Хорошо бы огненное погребение устроить, Мартын Сергеевич, – помолчал и поглядев, как крутит в руке лопату Рудольф, сказал я.

– Хорошо бы, – кивнул старший спасатель. – Но где и когда дрова искать? Посмотри тут возле храма, может, найдешь чистое место. Или на берегу ручья. Ну, не мне тебя учить, некромант. Топайте давайте. Времени мало! – И Сергеич глянул на часы.

8 июня 2241 года, вторник

Соборная площадь старого города

Василий Ромашкин

Могилу мы выкопали довольно быстро. Все-таки два здоровенных лося, да и земля была хороша. Чистая, пахучая, великолепный краснозем.

– Мягкая земляца, как пух, – задумчиво растер небольшой комок в ладони спасатель. Потом ссыпал землю на высокий бугор, огляделся и присел на старую, здорово проржавевшую, но все еще крепкую скамью, которую я припер от церкви. – И место хорошее, Вась.

– Ага, и яблоня в головах. – Я положил лопату поперек могилы, выскочил из ямы и поглядел на наливающиеся дички. Яблонька была усыпана крепкими, зелеными, кислющими пока плодами. – И самое главное – чистое место. Да и бугор виден далеко.

– Надо будет сюда хороший крест принести. – Пришедший нам помогать несмотря на свои забинтованные ладони Клим насупился, шмыгнул носом. – Это ведь из-за меня такое, Вась. Не стрельни я в церкви, ничего бы не было.

– Прекрати, Клим. Тут этих «если бы» мешок, наверное, наберется. Если бы ты не стрельнул, если бы Алена ногу не сломала, если бы ее товарищей не засыпал неуспокой, если бы золота не было... Сержант сделал то, что должен был, честь ему и хвала. И царствие небесное. Ну, если на перерождение не пойдет. – Я вогнал лопату в свеженасыпанный холм. – Вон, уже несут.

Из храма вынесли носилки с завернутым в сверкающий золотом шелк телом погибшего. Следом шкандыбал, опираясь на самодельный посох, Семен и вел в поводу Рафаля. Умный пес шел тихо, с достоинством, понимая серьезность момента.

Я вообще считаю, что собаки не уступают людям в уме. И кошки тоже, кстати. Просто кошки хитрее и потому только на диванах лежат и мышей в свое удовольствие ловят, а не работают, как собаки.

9 июня 2241 года, среда

Ростов-на-Синей

Василий Ромашкин

– Так, Вась, держи! – Сергеич протянул мне пакет с гильзами и акт списания, заверенный печатью отдела МЧС. – Дальше сам знаешь, или в банке получишь деньги, или по описи в оружейном новые патроны купишь. Сорок «шестерок», шесть «триста восьмых», пятнадцать «сорок пятых» и сорок европейской винтовочной «семерки». Ну а простого «сорок пятого» я тебе сейчас пачку дам, у меня в сейфе завалялась. – И старший спасатель, кряхтя, встал и открыл свой железный ящик, гордо именуемый сейфом.

На стол брякнулась далеко не новая, основательно потертая пачка с надорванной и разлохмаченной крышкой и двадцатью пятью патронами калибра 45 АСП. Ну, я человек благодарный, взял. Тем более что патроны не «порноул», а нормальная Новая Тула. Хотя, с другой стороны, Ново-Барнаульский патронный завод делает вполне неплохие патроны, ну разве чуть хуже, чем Новая Тула, Новосибирск или Зеленодольск. Зато дешевле как минимум втрое, что для обычного стрелка весьма существенно. Охотнику, например, нет особой разницы, что он влепит оленю или лосю патроном с минутной или трехминутной точностью. Все едино, стреляют метров с пятидесяти. Хотя покупают, морща нос, и в приличном обществе об этом не говорят. Вот что значит – потерять репутацию. Как два века назад на гражданский рынок начали гадость выпускать, так до сих пор не отмылись. Кстати, практически все патронные заводы остались на старых местах. Выкопали из-под руин линии и запустили новые цеха. И это все – фактически в старых больших городах, разве что Зеленодольск был небольшим городком.

Вернулись мы в принципе без всяких эксцессов. Не считая похорон сержанта.

Вышли, как обычно, без громких речей. Опустили в могилу, прочитали из Библии, насыпали холм и поставили крест из пары досок. И все. По большому счету – осталась о сержанте светлая память да фотография на стене в околотке.

А мы потопали по своим следам до Синей, переправились на шлюпке, оставили ее на берегу, так как нас стало меньше. У Сеньки голова кружилась, у Клима ладони с ожогами, сержанта схоронили. Так что лодку просто привязали покрепче к старой ветле, да и оставили. За ней заедут попозже, заберут.

По приезде в Ростов пришлось всем писать рапорта и объяснительные, заполнять кучу бланков по расходу серебра в боеприпасах. Потом прибывшему околоточному приставу дали показания о гибели сержанта.

Из-за этого я только и успел матери позвонить и сказать, что со мной все в порядке. И предупредил, что задержусь в МЧС до полуночи, а то и дольше.

Сейчас, выйдя из конторы, я поглядел на звездное небо и зевнул. От души зевнул, едва челюсть не вывернул. Устал хуже Рафаля, а надо еще в отдел к инквизиторам заехать. Раз я сам завез кицунэ в город, обязан сдать их как можно скорее.

Так что забросил в свой «додж» винтовки, рюкзак, кейс с инструментом, пошел, проверил бензобак. А то знаю я эти приколы – сольют почти все топливо, оставят на донце, и ищи-свищи. А вот если сразу за руку поймаешь – извинятся за шутку и вернут. Шутнички, понимаешь.

– Не трогали, Вась. У тех, кто на выходе, – не трогаем. – Из-под навеса вышел завгаража. Усмехнулся и присел на вкопанную в землю старую крышку от какого-то грузовика. – А так – ну у кого хватит совести обижаться на МЧС?

– Ну да, обижаться на МЧС – оксюморон. Но вот натывать по фейсу конкретным шутничкам можно. Жаль только, хрен кого поймаешь. – Не сказать, чтобы я был злопамятный. Но у меня тут, на этой стоянке, разок бензин уже слили. Я не помню, по какому поводу я сюда приезжал и почему оставил машину часа на три. Что-то пустяковое. Но выцедили у меня почти полный бак.

– Вась, ты же знаешь, с каких пор это идет. Почти два века этой традиции, когда МЧС могут слить бензин у любой машины. – Завгар покачал головой.

– Ну да, – кивнул я, завернул крышку бензобака и отбросил тонкий прутик, который использовал вместо шупа. – Вот только сейчас у вас горючего столько, сколько нужно, и этот обычай перерос в дурной прикол. Вообще надо статью в «Вечернем Ростове» тиснуть, чтобы прекратили такое безобразие. Мы вас всех уважаем, но сливать горючку из машин – это не смешно.

И, кивнув завгару, уселся в свой вездеход.

Чуть подсевший аккумулятор пару раз заставил понервничать, но мотор уверенно заработал на холостых оборотах. Немного погоняв движок, я аккуратно, задним ходом выехал со стоянки МЧС и направился к инквизиторам.

Проезжая мимо небольшой кафешки, затормозил и выскочил из-за баранки. Блин, как пахнуло свежей шаурмой, аж слюни потекли, ничуть не хуже, чем у Рафаля!

Немолодой узбек приветливо кивнул мне, налил полную кружку черного кофе и принялся ловко обрезать остатки мяса с вертикального шампура.

– Василий, поздно ты приехал, самсу всю съели, – заворачивая в тортилью мясо с салатом, покачал он головой. – Как раз такая, какую ты любишь – с бараниной на ребрышках. И шашлык тоже весь съели, сегодня что-то все голодные.

– Ничего, на днях приеду, куплю! – Я с благодарностью принял увесистую шаурму и, торопясь, обжигаясь, почти мгновенно с удовольствием ее скомкал. Потом подумал и попро-

сил вторую порцию. Из конторы инквизиторов не скоро вырвешься, пока я им все про кицунэ, полтергейста, расквыр и грайворонов не расскажу – не отпустят. Допил кофе, поблагодарил хозяина кафешки и порулил дальше.

«Джедаи» имеют свой городской отдел. Не сказать, что они обладают официальной властью, совсем нет. Но инквизиторы активно сотрудничают с полицией, армией, судебной властью. Да еще с каждой конфессией, не выбирая. Вообще у нас сейчас как-то с этим все устаканилось, христиане перестали делиться на православных, католиков и прочих. В любом храме в любой точке мира сейчас просто Христианская Церковь. После того как и священники Ватикана, и абсолютное большинство других церковных иерархов погибли при том чудовищном катаклизме, служители Христа объединились.

А вот у мусульман так не получилось, сунниты, шииты и прочие ваххабиты остались. И лет семьдесят шли жуткие войны, в которых все резали всех. И еще первую пару лет все пытались вырезать оставшихся без прикрытия США евреев.

В результате евреи ядерными боеголовками врезали по расположенным в пустынях резиденциям саудовских и прочих принцев и шейхов, превратили Ближний Восток в радиоактивную пустошь, после чего отступили с Земли обетованной к нам, в Россию. Учитывая, что среди них было множество врачей, инженеров, да и вообще толковых людей – приняли их с удовольствием. Правда, из семи миллионов евреев осталось едва ли восемьсот тысяч, но тогда всем досталось. Поговаривают, что такое большое количество тактических боеголовок у Израиля появилось внезапно, но совершенно своевременно.

Ну а арабы продолжили веселье. Правда, без большей части уцелевших сирийцев, которые поддерживали Асада, те тоже подальше от кровавой заварухи перебрались в Россию.

С этими не очень веселыми мыслями я толкнул звякнувшую бубенцами дверь с бронзовой табличкой «Отдел инквизиции города Ростов-на-Синей». Да-да, скромно так, но с чувством собственного достоинства. Правда, дом самый обычный, контора как контора. У нас сейчас вообще строят просто – прочный каркас, часто сваренный из стального профиля, и легкие наполнители. Чтобы сейсмоустойчивость высокая была. Бумажные дома, как в старой Японии, климат строить не позволяет, а то бы строили.

*9 июня 2241 года, среда
Ростов-на-Синей*

Василий Ромашкин

– Привет, Вась! – улыбнулась мне из-за массивного стола прехорошенькая брюнетка. – Никак решил к нам примкнуть?

– Кхм, Сара... – Я чуть не поперхнулся. – Нет, не решил и не решу. Если именно к тебе, то с огромным моим удовольствием, но ведь ты сама меня лесом в том году отправила?

– Ну, Вась. Если тебе тот лес не понравился, то есть еще бани, пустыни, болота. – Сара улыбнулась и сразу посерьезнела. – Я слышала, что у вас в старом городе были проблемы?

– Были, – мрачно кивнул я, облакачиваясь на дверной косяк. – Откомандированный с нами офицер полиции погиб, практически всех пощипали. Расквыры. Но я не из-за этого. Кто у вас старший на смене?

– Отец. Сейчас подойдет, буквально минут через пять. А что у тебя?

Все-таки девушки народ жутко любопытный, а инквизиторши от обычных девчонок не отличаются. Сара сильная менталистка, очень сильная. И работает здесь с шестнадцати лет, практически не отлучаясь, разве пару раз ездила, точнее, летала в Академгородок под Новосибирск. Училась управляться с даром, а то он ей здорово жить мешал. Впрочем, сейчас уже

она парням жить мешает, судя по легкой щекотке на затылке, пытается меня считать. Ну, я ей сейчас устрою...

Слегка приоткрывшись, я мечтательно представил Сару, стоящую передо мной голышом на четвереньках на кровати и стонущую от толчков. Жаль, конечно, что я ее такой вряд ли когда-нибудь увижу, но воображение страшная сила.

Девчонка вспыхнула и отвернулась к экрану компьютера. А вот нечего без спроса в чужую голову лезть.

Так мы и провели пяток минут, я – подпирая стену, а Сара – гоняя что-то по экрану компьютера. Правда, изредка переглядывались и снова отворачивались друг от друга. В конце концов мы все же столкнулись взглядами и, не выдержав, рассмеялись.

– Академгородок, Вась! Ты – озабоченный некромант! – отсмеявшись, заметила девушка. – И, кстати, откуда ты про родинки у меня на попе знаешь?

– Сама ты хитрая мозголомка и мозгокрутка, Сара. А родинки – ты плавки могла бы и пошире надевать, твои бикини – всего три ниточки. – Усмехнувшись, я уселся на стул около ее стола и вытащил из кармана разгрузки флягу. – Вот почему я здесь, тут две кицунэ. Мать и дочь.

– Ух ты! – Сара, дождавшись моего разрешающего кивка, взяла флягу. – Холодная, как будто из холодильника вытащили. Надо же, у нас в городе, по-моему, такого еще не было. А красивые они? И сколько хвостов?

– Ну, у матери – пять, а дочка – огневка. – Увидев округлившиеся глаза девушки, добавил: – Потому и не отпустил, сама знаешь, огневку отпускать не имею права. А насчет красоты – мать красивая, а дочка малолетка, по людским меркам годков семь, не больше. – Я обернулся на звякнувшие над дверью бубенцы. – Доброго вечера, Яков Маркович.

В контору зашел наш главный городской инквизитор, Яков Маркович Кедмин. Крепкий сухой мужик годов под шестьдесят с широкими залысинами на лобастой голове. Короткие рукава клетчатой рубашки открывали мускулистые руки, на широком поясе в двусторонних кабурах два нагана, тяжелый нож некроманта, больше похожий на мачете, в заспинных ножнах.

– И тебе того же, Василий. Опять мою дочку пришел соблазнять? Правильно делаешь, лучшая жена – еврейская девушка! – Кедмин, усмехнувшись, подошел к двери своего кабинета. Единственного в инквизиции кабинета, кстати.

Вообще сейчас планировка служебных помещений у нас староамериканская. Строится большой пустой дом и внутри ставятся перегородки из фанеры или досок. Вон, чуть дальше и тут четыре таких ячейки. Сара сидит как бы в приемной, где дежурный должен распределять посетителей по сотрудникам. Сейчас почти полночь, вот и нет практически никого, кроме семейного подряда Кедминых.

– Пытаюсь, Яков Маркович, в меру своих сил. Но Сара про пляж и баню говорит. – Я улыбнулся покрасневшей девушке и, забрав у нее флягу, встал. – По делу я вообще-то!

– Знаю, слышал. Кицунэ? – Кедмин отпер дверь и приглашающе распахнул ее. – Сара, ты тоже зайди. Попробуешь «считать».

Кедмин встал около своего массивного стола, вытащил и положил на сукно «мачете некроманта» и, подождав, пока его дочь встанет за ним, кивнул.

– Открывай флягу, Вась.

Ну... открывай так открывай. Я вытащил чеку, скрутил пробку, и в кабинет вытек клуб сизого тумана, обернувшийся двумя кицунэ.

– Эй! Ты же совсем крохой была! – удивленно окликнул я огневку, которая обернулась очень симпатичной и вполне себе фигуристой девушкой лет шестнадцати, рыжеволосой и зеленоглазой. Ну разве огненно-рыжий хвост и такие же лисьи уши показывали, что это не человек.

– Ты забрал большую часть ее сил, некромант. – Полина, снова обратившаяся в брюнетку с пятью серебристыми хвостами, сверкнула темно-кариими глазами. Повернулась ко мне спиной и, напряженно застыв, обратилась к Кедмину: – Мы готовы предстать перед людским судом, инквизиторы.

– Ну, до суда пока далеко, мы не судьи, а следователи. – Главный инквизитор хмыкнул и, убедившись, что я держу обеих лисиц, обернулся к дочери. – Читай сначала младшую, Сара. А ты, – мачете инквизитора указало на старшую лисицу, – стой и не дергайся, иначе даже допрашивать не буду. – После чего острое мачете уперлось под подбородок молоденькой кицунэ.

В кабинете стояла тишина, только Сара напряженно хмурилась, приложив ладони к вискам огневки.

Старшая лисица застыла, выпрямившись, как натянутая струна. Лисичка тоже замерла, да и кто не замрет, когда тебе в горло уткнулось острое.

Я же чувствовал себя препаршиво. Если расквыр, полтергейстов и большинство прочей нечисти я спокойно мог отправить на встречу с ангелами или демонами, или на перерождение, или убить последней смертью, полностью развоплотив, то вот эти лисы мне всегда нравились. Правда, именно лисиц я не встречал, но однажды отпустил очень старого, полностью седого лиса. Так что стоять и ждать решения их судьбы оказалось очень сложно. Тем более что инквизиторы вполне могли потребовать развоплотить кицунэ. Не церемонятся они с нелюдьми, тем более – убившей человека. И принцип, гласящий, что лучше развоплотить сотню относительно безопасных, чем отпустить одну опасную особь, для инквизиторов вполне себе приемлем.

– Самооборона. – Сара отодвинулась от лисички и вытерла пот со лба обратной стороной ладони. – На нее напали, она защищалась. Выбора у нее не было.

– Так, значит. – Мачете Кедмина оказалось у него в ножнах, причем я едва успел заметить, как это произошло. – Тогда через три недели состоится заседание мирового суда, и судья решит вашу судьбу. А пока – прошу вас, сударыни. – И инквизитор, усмехнувшись, указал на флягу.

– Яков Маркович, я могу оказаться в рейсе, – поглядев на лисью семейку, заметил я. – Вы же знаете, что в расписании точно указана только дата вылета.

Это особенность полетов дирижаблей. Мы можем несколько задержаться, огибая грозовой фронт, например, или, напротив, подняться на десять тысяч метров и висеть неделю, пережидая шторм. А потом еще неделю топтать обратно, так как снесет за это время дирижабль бог знает куда. Потому у нас рейс на сутки – а запасов на неделю.

– Ну, это всегда можно уточнить в вашей диспетчерской. Не сможешь в этот раз – сможешь через месяц, никаких проблем. – И Кедмин, глядя на старшую кицунэ, снова кивнул на флягу.

Лисицы переглянулись, вопросительно посмотрели на меня и, дождавшись, когда я чуть «отпустил» их, снова расплеснулись туманом и втянулись в горлышко. После чего я снова закрутил пробку потуже, зафиксировал чекой и протянул флягу главному инквизитору.

– Еще чего. Ты их поймал – ты и храни. Сейф дома найдется? Или выпиши нам чек за хранение. – Кедмин уселся за стол и покрутил здоровенную кружку из черного серебра. – Сара, запиши все показания Василия, выпиши ему поручение на хранение, оформи через прокурора повестку в суд, он должен явиться как свидетель и хранитель. Все, идите, работайте.

После чего откинулся на спинку вращающегося стула и негромко пробормотал:

– До чего дошел этот мир – старый еврей стал главным инквизитором этого города. Ой-вей, что кувшином по камню, что камнем по кувшину – плохо все едино кувшину! – Пота-

рабанив пальцами по столу, он крутнулся на стуле и окликнул меня и Сару: – Так, Василий, насколько я знаю, ты ликвидировал сильного домовика и набил кучу расквыр. Сара, считай у него эти моменты и отобрази в рапорте на мое имя. И на основании этого рапорта выпиши премиальные по обычным расценкам. Я так думаю, несколько золотых Василию не помешают. Хоть тебя мороженым угостит.

– Хорошо, – согласно кивнула усевшаяся за комп девушка и показала на соседний стул. – Садись здесь, Василий. И учти – попробуешь пошутить – не то что премию не получишь, вообще останешься должен!

– Понял, не дурак, молчу и не дергаюсь. Жаль только, помечтать нельзя! – Я уселся на указанное место, и мне на виски легли тонкие пальцы девушки.

– Вспомни полтергейста, пожалуйста. – Сара закрыла глаза и сосредоточилась.

Ну, мне не сложно, так что я сначала вспомнил банк и его владельца, потом по приказу девушки таким же образом вспомнил заваруху в церкви. К моему удивлению, воспоминания были удивительно четкими, детальными, порой каждое выбитое пулей перышко можно было рассмотреть.

– Уф... – Сара откинулась на стуле и вытерла обратной стороной ладони вспотевший лоб. – Ничего себе, приключеньице. Пап, у них полтергейст типа «пожиратель душ» был, слышишь? Пап? – Девушка, привстав, заглянула через мое плечо в отцовский кабинет, после чего уселась на стул и махнула рукой. – Опять курить пошел. Вась, ты хоть понимаешь, кого отправил «на ту сторону» в банке? Такие монстры редкость невероятная, их обычно команды инквизиторов ликвидируют, а тут турист мимоходящий раз его – ножичком чик-чик, и в дамки. Между прочим, премия за него по рейтингу – пятьсот золотом. Да и расквыр шестьдесят четыре штуки набил – тут по пять золотых за пташку, целых триста двадцать рубчиков золотом выходит.

– Сара, погоди. Как шестьдесят четыре? Я всего шестьдесят раз выстрелил?

Ну да, пташек в церкви я нагреб приличную кучу, но это что же, каждый выстрел – попал? Нехило, совсем нехило. Обычно результат по летящим у меня из винтовки похуже. А ведь на самом деле так, просто в горячке внимания не обратил. Видимо, дело в том, что расквыры нечисть, я их очень отчетливо видел и «видел».

– Ты дважды одной пулей сбил по две расквыры. И одной пулей умудрился трех свалить. – Сара покачала головой, отчего ее роскошные волосы, собранные в простой конский хвост, качнулись туда-сюда. – Кстати, твои товарищи тоже сбили двадцать восемь птиц. Вам невероятно повезло, что прилетели грайвороны, Василий. Ты не успел бы перезарядиться.

– Я знаю, Сара, – кивнул, соглашаясь с этим выводом. – Хоть бери мешок с пирожными и тащи в благодарность к месту их гнездовий. Если бы не считал, что грайворонам расквыры жуткие враги и, скорее всего, они прилетели их пощипать, – может, так бы и сделал.

Девушка, печатавшая на экране текст, кивнула, и несколько минут мы сидели молча. Сара печатала, а я любовался ее красотой.

В конце концов все было распечатано, отнесено на подпись Кедмину. Поставили нужные печати, и я, попрощавшись с семейным подрядом инквизиторов, отправился домой. Тяжелая фляга с семейством кицунэ лежала в кармане разгрузки. Ну хоть у них пока есть надежда. Наша мировая судья – женщина справедливая.

9 июня 2241 года, среда

Ростов-на-Синей

Сара и Яков Кедмины

– Пап, смотри, что мне Василий подарил, нашел в старом городе! – Сара положила отцу на стол пластиковую коробочку с цветастой обложкой. – «Смешарики», причем те серии, которых у меня нет.

– Маленькая ты моя! – Главный инквизитор города поймал девушку в охапку и усадил себе на колени. – Вроде взрослая, а все равно маленькая папина дочка.

– И папина, и мамина. – Сара чмокнула отца в щеку и соскочила с колен. – Пойду погляжу, пока время есть, все равно на ночных дежурствах в основном бездельничаю.

– А ты почему с Василием ни разу на свидание не ходила, дочка? Он же тебе нравится?

– Да с чего ты взял, пап? – фыркнула девушка, крутнувшись на носочке правой ноги. – Парень как парень.

– А с того, что ты терпеть не можешь, когда от парней несет потом. А Василий пропах потом, дымом от пороха, костров и к тому же кровью. А ты даже не поморщилась.

– Пап, он уставший как не знаю кто, сидит и, того и гляди, глаза слипнутся. Потому и не обращала внимания. Кроме того, Василий вообще-то чистюля, это он после заварухи грязный. – Сара уселась за свой стол и сделала вид, что занята потрошением компакт-диска.

– Ну да, только другим ты скидки на это не делаешь! – пробормотал про себя инквизитор, но дочь его услышала и фыркнула.

Установив диск в компьютер, спросила у отца:

– Пап, а что, все бортстрелки так стреляют? Я поглядела память Василия – каждый выстрел осмыслен и точен. А он еще пошутил, мол, так спокойно стрелял потому, что расквыры не отстреливаются.

– Ну, он в принципе прав, пока расквыра до тебя не добралась – она мишень. Но в бортстрелки набирают прирожденных стрелков и тренируют очень серьезно. В том числе и в стрельбе из винтовок и пистолетов. Они ведь фактически еще и спасательная команда дирижабля. Не дай бог, приземлятся из-за аварии где-нибудь в дурном месте. И пока-то до них доберутся... – Инквизитор откинулся на спинку кресла и задумался.

Девушка тоже замолчала, надела наушники и запустила старые мультики. В городском отделе инквизиции наступило неторопливое, спокойное ночное дежурство.

9 июня 2241 года, среда

Ростов-на-Синей

Василий Ромашкин

– Доброй ночи, мам. Точнее, доброго раннего утра. Ну чего ты не спишь, а? – Я вылез из машины и обнял вышедшую встречать меня маму.

– Цел? Ну, слава богу. Открывай ворота и загоняй своего «доджа», а я на стол соберу. – И мама метнулась на кухню, где приветливо светились окна.

– Ну чего не спишь? Я ведь отзвонился, сказал, что все нормально. – Закрывая ворота за своей машиной, пробормотал вышедшей с кухни матери. – Ведь не маленький уже, вполне себе взрослый самостоятельный мужчина.

– Знаю, Вась. Но неужели ты думаешь, что мне от этого легче? – Мать неожиданно всхлипнула и, отвернувшись, вытерла слезы уголком полотенца.

– Мам, ну перестань. Ну не надо, я же вернулся, все нормально! – Заскочив на веранду, я обнял плачущую женщину. – Я всегда буду возвращаться, честное слово.

– Уже перестала... – Мама еще раз шмыгнула носом и улыбнулась. – Давай закругляйся, и за стол. Покушаешь, и отдыхай, вымотался небось.

– Хорошо, – кивнул я, забирая из машины винтовку и рюкзак. Все остальное оставил, завтра вытащу, а вот оружие не следует бросать без пригляда.

В комнате сопел Женька, что-то порой бормотал и ворочался на кровати. Это еще ничего, порой зубами скрипит – мертвого поднимет.

Включив ночник, поставил длинные стволы в пирамиду, пистолет и трофейный револьвер положил на полку рядышком с наганом и ПМ. Посмотрел, взял в руки наган и ФН, сравнил. Блестящий зеленоватый ФН, изящный, ставший за несколько лет службы родным наган, строгий, вороненый, массивный. Нет, мне наш револьвер системы Нагайского и Антипенко образца две тысячи девятого года намного больше нравится. Хорошая машинка, хоть и потяжелее «бельгийца». Во-первых, сорок первый калибр – вещь очень серьезная, достаточно крупного медведя способна на задницу посадить. Во-вторых, хоть барабан и откидывается, но при этом можно и гильзы поочередно экстрактировать, да и система, когда барабан жестко насаживается при выстреле на ствол, исключая прорыв пороховых газов, – отличная. Глушитель с ней работает великолепно, а это немаловажно. Не дай боже, придется бесшумку использовать. И в эргономике не уступает совершенно, резиновая рукоять садится в руку как влитая.

Я вытащил из штатной кобуры толстую трубу глушителя, навернул на наган, прицелился в луну и снова, разобрав револьвер, уложил его на законное место. Завтра надо капитальную чистку оружия устроить, и трофейного, и своего. Причем вычищу все оружие, не помешает.

Вытащив ключи, открыл простенький замочек и потянул на себя деревянную дверцу. Тут у меня хранились шесть прикупленных по случаю гранат, два кило тротила в десяти двухсотграммовых шашках (узнает мама – оторвет мне все, до чего успеет дотянуться) и отравы против колорадского жука. Правда, детонаторы у меня в крохотном сейфе в столе. И вот сюда, на полочку к оборонительным гранатам, я положил флягу с кицунэ. Пусть пока лежат здесь, хотел в банк отнести, но придется арендовать ячейку побольше. А это стоит денег. Моя-то крохотная, пачка сигар не влезет. Так, пригоршню золотом хранить пойдет, и все.

Конечно, у меня и здесь, дома, деньги лежат, и на счету есть, но золото и платину я в любой момент из ячейки заберу, за них банк отвечает. Кроме того, они так глаза не мозолят, и нет желания потратить на что-либо малозначительное.

Повесил на крючок разгрузку, положил на полку пустые и полные магазины для винтовок. Выгрузил патронные пачки европейской «семерки». И закрыл оружейный шкаф на шпингалет.

У Женьки свой шкафчик, где хранятся его тульская двухлинейка, одноствольный дробовичок-бескурка тридцать второго калибра и подаренный мной на двенадцатилетие автоматический пистолет, тоже мелкашечного калибра. Отличный «марголин», выпущенный в позапрошлом году в Коврове. Женька еще о левере мечтает, но мелкашку уже не хочет, копит деньги на нормальный калибр. Как раз до совершеннолетия наберет. Мог бы купить под револьверный патрон, но нет, хочет как у меня, под нашу «шестерку». Уж больно ему мой винтарь нравится.

А мне охота купить реплику винчестера под сорок пятый калибр, который сорок пять на семьдесят «Гавернмент», уж очень она мне понравилась. Американцы в Старых Штатах снова выпускать начали, но агрегат недешев. От слова «совсем». Они сейчас пытаются возродить национальное самосознание, и мужик у них ассоциируется с таким карабином, револьвером одинарного действия и шляпой-стетсоном. Впрочем, практически все современные американцы – и фермеры, и работяги – пашут как папа Карло и вполне под это определение подходят. Правда, у большинства на вооружении дробовики, помповые или двудулки, все-таки винтовка и револьвер оружие профессионалов.

С этими мыслями я стянул с себя куртку и ботинки, бросил их в угол, взял из шкафа чистые трусы и шорты и потопал в душ. Хоть смою с себя грязь и копоть. Как только Сара со мной разговаривала? От меня же потом на полверсты шибает.

10 июня 2241 года, четверг

Ростов-на-Синей

Василий Ромашкин

Толкнув звякнувшую обрезками трубочек дверь, я вошел в оружейный магазин. Точнее, в «Центральный оружейный магазин города Ростов-на-Синей», являющийся официальным партнером городских властей.

– Потапыч, доброго дня! – брякнул на прилавок пакет с гильзами и положил поверх него акт списания от МЧС. – С серебром как: наша «шестерка», «сорок пятый» и европейская «семерка» найдутся?

Пожилой грузный мужик шагнул от кассы к прилавку, ощутимо качнув толстые доски пола. Ну еще бы, весит Потапыч точно за полтора центнера, хотя сала в нем и на десять кило не наберется. Просто здоровуц дядя, не зря он Сенькин папаня.

– Пришел, значит. – Потапыч взял бумагу и неторопливо, сдвинув очки с затылка на нос, принялся читать акт. После чего пересчитал гильзы и, кивнув мне, зашел в подсобку.

– Привет, Марк! – поздоровался я с подошедшим парнем, помощником Потапыча. – Есть что-то новенькое?

– Разве что пулеметы. – Он кивнул в сторону стеллажа, стоящего напротив окна. – Привезли вчера пятнадцать штук с армейских складов, пять ручников, пять «горюновых», и пяток «Зброевок-Брно», перестроенных под европейскую «семерку». Можешь поглядеть, но я тебе так скажу – антиквариат. Нашли армейцы древний склад, отдали на растерзание частникам, вот и появились пулеметы. Сам знаешь, сейчас даже пятидесятилетний пулемет в руках частника считается молодым. Хотя ручники совсем неплохи. Пусть и выпущены в две тысячи первом году. – И Марк снял со стеллажа и передал мне вороненую тушку пулемета.

В принципе тот же наш армейский автомат конструкции «трофейного» инженера Людвиг Форгримлера, но со сменным утяжеленным стволом и с ленточной подачей патронов. Хорошая машинка, надежная и неприхотливая. Не зря в свое время Людвиг Сталинскую премию получил. Но...

– Отличный агрегат, Марк, но мне он зачем? – Покрутив пулемет в руках, я вернул его продавцу. – Я же не колхозник или хуторянин, мне от «печенегов» если и отбиваться, то в составе ополчения. А в ополчении на мне «Утес» висит, который на райтоповский ЗИЛок устанавливается. Хотя знаешь? Купил бы я ручник, просто понравился. Но дорогой он, зар-р-раза! Пятьсот золотом на дороге не валяются!

– Да ну? Вась, а кто в прошлом году банду гонял, а? Вы же тогда вшестером пятнадцать аявриков грохнули, которые дальние хутора хотели пощипать! – Марк усмехнулся, повесил ручник на место, после чего снял и вручил мне в руки чешский пулемет. Трофей, еще со Второй мировой, и выпущен почти три века назад. – Это полторы сотни, кстати. И отменно работоспособен. Кроме того, я вчера слышал, ты ФН-ФАЛ затрофеил? Так магазины от него на «чеха» вполне себе идут, евростандарт.

– Марк, ты все пытаешься на мне нажитья! – Я засмеялся, прикладывая антиквариат к плечу. После чего вернул пулемет продавцу. – Нет, не возьму. Ему три века, Марк. Пусть он и работоспособен, но он древний, как навоз мамонта. Мало ли, пружина сядет, сломается что-либо – где запчасти искать? Заказывать мастеру штучно – без штанов останешься. Нет уж, спасибо. Если я и куплю себе когда-нибудь пулемет – то новенький. А насчет той банды – мы же не виноваты, что они родителей Ромки пощипать захотели?

Я вспомнил гопкомпанию из пятнадцати отморозков и нахмурился. Тогда нам просто чудовищно повезло. Бандиты не рассчитывали напороться на бортстрелков, ввалились всей

толпой во двор. А шестеро стрелков – страшная сила. Тогда мы расстреляли их из pistols быстрее, чем они сумели понять, что происходит.

Кстати, левер я купил на деньги, полученные с продажи трофеев, которые мы взяли с той банды. И ПМ снял с одного из бандитов. А до того с отцовским карабином ходил, не принято среди гражданских носить армейские винтовки. Кстати...

– А это что за игрушка? – Я ткнул пальцем в скромно притулившийся среди мосинок и маузеров карабинчик.

– Это? Это довольно редкая машинка, FR-8, испанцы после Второй мировой перерезали маузеры под европейскую «семерку». Правда, обойм нет. – Марк вытащил карабинчик из пирамиды и передал мне. – Тоже на днях пришел. И еще, ты про патроны образца сорок четвертого года спрашивал? Есть, нестреляные, еле сало с них стер. Сорок восьмого года выпуска. Показать?

– Покажи, – кивнул я, крутя в руках весьма удобный карабинчик. Поворотистый и хватистый, отменная машинка. И стоит всего тридцатку золотом. Для охоты на копытных милейшая вещь. Не хочу отцовский «Ремингтон» лишний раз по лесу таскать, память все-таки. И механизм работает как часики, отлично. Видимо, в неплохих условиях хранился. Все-таки умели упаковывать товары в прошлые времена, ничего не скажешь.

– Вот, держи. – Вышедший Потапыч брякнул на прилавок пакет с патронами, положил сверху акт и магазинный чек. – Убери игрушку, пересчитай серебрушки и распишись. Потом «испанца» доглядишь.

– Угу. – Я занялся прикладной математикой – стал считать патроны, после чего расписался в ведомости магазина и в чеке.

К этому времени рядышком с испанской переделкой маузера лег наш старый армейский карабин. Тоже коротенький, хватистый и верткий. На северах его почему-то «колчаком» называют. Но тут такой момент – «семерка» много мощнее, и останавливающее действие у нее посерьезнее. Против крупного зверя лучше. Хотя на человека нашей «шестерки» за глаза хватает, да и на большинство зверей весом килограмм так до сотни, тоже.

На улице хлопнуло несколько выстрелов из пистолета, грохнул дробовик, часто ударили автоматические винтовки.

– Что за хрень? – присев ниже уровня окон, спросил я, уже держа в руке пистолет.

– Банк грабят? – вопросом на вопрос ответил Марк, сидящий рядом со мной и тоже вытаскивший свой кольт, кстати, сорок пятого калибра.

Со звоном осыпалось стекло, пули глухо ударили в стену и в стенды с оружием. Одна дзинкнула в ствол винтовки и коротко взвизгнула, отрикошетив.

Я подполз к окошку и быстро выглянул наружу. Точно, около одного из наших банков стояла пара машин. С десятков парней и мужиков палили во все стороны как сумасшедшие.

– Держи! – Рядом со мной грохнулись ручник и короб с лентой. Оказывается, Потапыч успел сползть в подсобку и притаранить несколько коробов со снаряженными лентами патронов для наших ручников. Вот и Марк уже пристегнул короб и стал заталкивать ленту в приемник. – Что там?

– Банк грабят, отделение «Городского». Сдурели, что ли? Куда они на машинах уйдут? – Я снова пригнулся, так как в другое окошко влетела очередная порция пуль и вынесла стекло сверкающим и звенящим дождем.

– Вступаем? – Марк тоже мельком глянул в окошко и пригнулся. Поглядел на нас с Потапычем. – Ну, чего тянем? Как раз позиция отменная, всех в лапшу порубим.

– Только вот погляди в окна банка, Марк. Видишь, девчонки-служащие в полный рост стоят? Мы ведь и их порубим, они на линии огня получают. – Я зло хлопнул ладонью по полу

и взял ручник поудобнее. – Кто бы у них ни был за главного – он не идиот. Их разве на отступлении взять можно, когда сваливать будут.

– Тогда готовимся, парни. – Потапыч поудобнее уселся около окошка, предварительно сметя в сторону чучелом лисицы стеклянную крошку. Потом, прижавшись спиной к кирпичной стене, замер.

А я и Марк принялись наблюдать за событиями в принесенные Марком перископы. Мда, удобная штукавина, оказывается, надо купить. И, кстати!

– А ведь это одержимые, Потапыч. Все до единого. – Я «всмотрелся» в стрелков, а потом просканировал пространство. – И у них около набережной еще шестеро, точнее, на самом краю. Там лодки, вот что, они не будут отступать на машинах!!!

– Блин! – Потапыч, пригнувшись, рванул к телефону и набрал номер полиции. – Алло, дежурный! Это Сил Потапыч из «Центрального оружейного». Да-да, мы готовы проводить бандитов, но у них девчонки из банка в заложницах. Тут Василий Ромашкин у нас, он говорит, что все бандиты одержимые плюс у них лодки на центральной набережной. Гоните народ туда. Да, так и есть, им же до набережной всего пятьсот метров!

Ну да, если у них на Синей лодки, то вообще все интересно. Но гораздо интереснее, с какого перепуга столько одержимых собрались в одном месте и с одним планом? Нет, в том, что одержимые частенько живут среди людей, нет ничего необычного, как и в том, что они порой творят страшные дела. Но тут минимум двадцать семь человек, одержимых неупокоями. И действуют они по одному плану!

– Держи! – Я сунул пулемет Марку и тоже пробрался к телефону. Бандиты не торопились, долго копались внутри помещения банка, даже стрелять на улице перестали, разогнав народ по укрытиям. Хотя минимум четверых убили, я «почувствовал» смерти. – Алло, Сара? Ты еще не сменилась? Слушай, тревога первого уровня! Тут в банке одержимые, двадцать семь человек! Они банк грабят! Поднимайте всех!

– Василий, я поняла. Поднимаю и вызываю всех инквизиторов. – Голос девчонки из сонно-игривого, которым она ответила, узнав меня, превратился в строго-деловой и сосредоточенный. – Не рискуйте там, под пули не лезьте. Сам знаешь, для одержимых смерть тела неприятна, но не страшна.

– Знаю, Сара, меня хорошо учили. До встречи! – Я положил трубку и вернулся на свою позицию. Но, похоже, инквизиторы не успеют. Одержимые начали отходить.

– Они заложниками прикрываются! – Марк повернулся от своего перископа. – Заведующий банком, два охранника, еще двое служащих. Ладно хоть девчонок оставили! Машины завели, сейчас уедут! И ничего не сделать!

Похоже, все остальные тоже думали так, потому что даже около подъехавших машин полиции не ощущалось особого шевеления.

– Чтобы их! Вась, что ты задумал? – Потапыч с удивлением поглядел на меня. Я вычерчивал ножами на полу пентаграмму с удлиненным верхним лучом.

– Не мешай! – уложил в нижние лучи оба клинка и постарался сосредоточиться. Вершина пентаграммы была направлена на один из автомобилей, где сидели заложники. – Не мешай, Потапыч. – Быстро прочистив легкие гипервентиляцией, я скользнул в транс.

Мир немного изменился.

От меня до автомобиля оказалось прямо-таки рукой подать. Клинки взрезали души одержимых, стараясь не касаться связанных душ хозяев. Первый, второй, третий. Еще один. Еще. Все, тут свободно!

Вынырнул из трансa. Почему-то мне не хватило сил, и я неловко завалился на бок.

Одна из машин, открытый пикап, вильнула и врезалась в столб на обочине. А остальные наоборот – газанули и понеслись вниз вдоль реки.

– Садись, колдун. Держи, у тебя кровь носом идет. – Потапыч приподнял меня, прислонил к стене и сунул в руки кусок ветоши в оружейном масле. – Что сделал-то?

– Попытался часть неупокоев спровадить дистанционно. Вроде как вышло. – Я размазал по подбородку кровь и потряс головой. По-моему, немного отпустило, мозги на место встали, голова кружиться перестала. – Скажи полиции, чтобы с пленными поаккуратнее, сейчас инквизиторы подъедут, помогут. И легавым, и бывшим бандитам. Жаль, не хватило сил освободить остальных.

Из-за Синеи гулко раскатилась короткая очередь крупнокалиберного пулемета, трассерами опрокинуло подъехавшую к пикапу патрульную машину. Из салона выскочил уцелевший урядник и почему-то огромными прыжками рванул к нашему магазину. Рыбкой заскочил в окно. А крупняк бил снова и снова, разрывая пикап и тех, кто в нем остался.

– Ни фига себе! Он что, своих зачищает? – приподняв изрезавшегося урядника, пробормотал хозяин магазина. – И откуда у бандитов «владимиров»?

– А фиг его знает, Сил Потапыч, – сползая на пол, ответил я. – Вы бы легли на землю, мужики, мало ли. Похоже, банда рубит концы. Но на самом деле я не припомню такого, чтобы одержимые работали в команде. Даже в учебниках подобного нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.